

Сборник стихотворений. Том 6. Одна любовь. Небо голубое. Соборный благовест. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://sologubfyodor.ru/> Приятного чтения!

Собрание стихотворений. Том 6. Одна любовь. Небо голубое. Соборный благовест.
Фёдор Сологуб

Одна любовь
Посвящаю Анастасии Сологуб-Чеботаревской

Апог

«Ты только для меня. На мраморах иссечен...»
Ты только для меня. На мраморах иссечен
Двойной завет пути, и светел наш удел.
Здесь наш союз несокрушимо вечен,
Он выше суетных, земных, всегдашних дел.
В веках – тебе удел торжественный и правый.
Кто скажет, что цветы стихов моих умрут?
Любовью внушены и осияны славой,
Цветы бессмертные, нетленные цветут.
Повсюду вёл меня мой страннический посох,
И в рай земной, и в ад, стремительно крылат,
И я нашёл цветы в неиспаримых росах, –
Века не истощат их сладкий аромат.
Ты только для меня. Судьба нам не лукава.
Для светлого венца, по верному пути
Подруги верные, любовь моя и слава,
Нас радостно ведут. Не страшно нам идти.
Ты только для меня. Таинственно отмечен
Блестящий наш путь, и яростный наш удел.
Бессмертием в веках союз наш будет встречен.
Кто скажет, что венец поэта потускнел?
«В моём безумии люби меня...»
В моём безумии люби меня.
Один нам путь, и жизнь одна и та же.
Моё безумство манна райской слаже.
Наш рдяный путь в метании огня,
Архангелом зажжённого на страже.
В моём горении люби меня.
□□Только будь всегда простою,
□□Как слова моих стихов.
□□Будь мне алою зарёю,
□□Вся обрызгана росой,
□□Как сплетением жемчугов.
В моём пылании люби меня,
Люби в безумстве, и в бессильи даже.
Всегда любовь нам верный путь укажет,
Пыланьем вечным рай наш осеня.
Отвергнут я, но ты люби меня.
Нам путь один, нам жизнь одна и та же.
□□Отворю я все дворцы,
□□И к твоим ногам я брошу
□□Все державы и венцы, –
□□Утомительную ношу, –
□□Всё, что могут дать творцы.
«Не весна тебя приветит...»
Не весна тебя приветит,
Не луна тебе осветит
Полуночные мечты.
Не поток тебя ласкает,
Не цветок тебя венчает,
Даришь радость только ты.
Без тебя всё сиротеет,
Не любя, всё каменеет,
Никнут травы и цветы.
Вешний пир им не отрада,
Здешней неги им не надо,
Жизнь даруешь только ты.
Не судьбе земля покорна,

Лишь в тебе живые зёрна
Безмятежной красоты.
Дочь высокого пыланья,
В ночь земного пребывания
Льёшь святое пламя ты.
«Твоя любовь – тот круг магический...»
Твоя любовь – тот круг магический,
который нас от жизни отделил.
Живу не прежней механической
Привычкой жить, избытком юных сил.
Осталось мне безмерно малое,
Но каждый атом здесь объят огнём.
Неистошимо неусталое
Пыланье дивное, – мы вместе в нём.
Пойми предел, и устремление,
И мощь вихреобразного огня,
И ты поймёшь, как утомление
Безмерно сильным делает меня.
«Имя твоё – воскресение...»
Имя твоё – воскресение,
Имя моё – Божий дар.
Их роковое сплетение –
Сладостный вешний угар.
Божьи дары не растрочены,
Я их ревниво сберёг.
Их разгораньем означены
Все перекрёстки дорог.
Нет для огней угасания.
Тают бессильные сны.
Верные дни воскресания
Верному сердцу даны.
«Снова покачнулись томные качели...»
Снова покачнулись томные качели.
Мне легко и сладко, я люблю опять.
Птичьи переклички всюду зазвенели.
Мать-Земля не хочет долго тосковать.
Нежно успокоит в безмятежном лоне
Всякое страданье Мать сыра Земля,
И меня утешит на последнем склоне,
Простодушным зельем уберёт поля.
Раскачайтесь выше, зыбкие качели!
Рейте, вейте мимо, радость и печаль!
Зацветайте, маки, завивайтесь, хмели!
Ничего не страшно, ничего не жаль.
«Душа опять звучит стихами...»
Душа опять звучит стихами.
Пришла весна, и в сердце вновь,
Чаруя радостными снами,
Воскресла милая любовь.
Устал, устал я жить в затворе,
То ненавидя, то скорбя.
Хочу забыть про зло и горе,
И повторять: «Люблю тебя!»
Пойми, пойми, – пока мы живы,
Пока не оскудела кровь,
Все обещания не лживы,
И не обманет нас любовь.
«Приди ты поздно или рано...»
Приди ты поздно или рано,
Всё усложни или упрости
Словами правды иль обмана, –
Ты мне всегда желанный гость.
Люблю твой взор, твою походку
И пожиманье тонких плеч,
Когда в мечтательную лодку
Тебя стремлюсь я увлечь,
Чтобы, качаясь на влаге
Несуществующей волны,

Развивши паруса и флаги,
На остров плыть, где реют сны,
Бессмертно ясные навеки,
Где радость розовых кустов
Глубокие питают реки
Среди высоких берегов,
Где весело смеются дети,
Тела невинно обнажа,
Цветами украшая эти
Твои чертоги, госпожа.
«Горит заря умильная...»
Горит заря умильная,
Паденье дня тая.
За нами вьётся пыльная
Лиловая змея.
Тележка наша катится
Дорогою пустой.
Не жаль, что время тратится
Лазурною мечтой.
Смеётся в небе алая
На холмы, лес и луг,
И тает тень усталая,
Но ясно всё вокруг.
К чему тоске томительной
Предался б ныне я?
В закатный час медлительный
Со мной любовь моя.
«Мы покидали милый дом...»
Мы покидали милый дом,
Мы с тем приютом расставались,
Где с утомленьем и трудом
Минуты сладкие сплетались,
И всё, что оставалось там,
Что было для тебя так мило,
Все эти вещи, – старый хлам, –
Смеясь и плача, ты крестила,
Благословляя тот приют,
Где радость нам дарило лето,
Где духи мудрые живут,
Очаровавшие поэта.
«Любви неодолима сила...»
Любви неодолима сила.
Она не ведает преград,
И даже то, что смерть скосила,
Любовный воскрешает взгляд.
Светло ликует Евридика,
И ад её не полонит,
Когда багряная гвоздика
Ей близость друга возвестит,
И не замедлит на дороге,
И не оглянется Орфей,
Когда в стремительной тревоге
С земли нисходит он за ней.
Не верь тому, что возвестили
Преданья тёмной старины,
Что есть предел любовной силе,
Что ей ущербы суждены.
Хотя б лукавая Психея
Запрету бога не вняла
И жаркой струйкою елея
Плечо Амуру обожгла,
Не улетает от Психеи
Крылатый бог во тьме ночей.
С невинной белизной лилеи
Навеки сочетался змей.
Любви неодолима сила.
Она не ведает преград.
Её и смерть не победила,

Земной не устрашает ад.
Альдонса грубая сгорает,
Преображённая в любви,
И снова Дон-Кихот вещает:
«Живи, прекрасная, живи!»
И возникает Дульцинея,
Горя, как юная заря,
Невинной страстью пламенея,
Святой завет любви творя.
Не верь тому, что возвестили
Преданья, чуждые любви.
Слагай хвалы державной силе
И мощь любви благослови.
«Две пламенные вьюги...»
Две пламенные вьюги
В безумстве бытия,
То были две подруги,
Любовь и Смерть моя.
Они кружились обе,
Огонь и дым вия.
Влеклась за ними в злобе
Бессильная змея.
Когда они теснее
Сплетались предо мной,
Душе моей яснее
Являлся мир иной.
Пространств холодных бремя
Свивалось пеленой,
И умирало время
Для жизни неземной.
Разбиты ледяные
Оковы бытия.
В обители иные
Восхищен снова я.
Ликуют две подруги,
Любовь и Смерть моя,
Стремительные вьюги
В блаженстве бытия.
«С весною вновь приемлю...»
С весною вновь приемлю
Я благостную весть:
Росе лелеять землю,
Цветам невинно цвести,
Зарытым в землю зёрнам
Не пропустить свой срок
В стремлении упорном
На волю дать росток,
И всякой малой твари
Плодиться и любить,
В пленительном угаре
Самозабвенно жить,
И мне крылатой песней,
Весной воскресшей вновь,
Всё слаще, всё чудесней
Тебя хвалить, любовь!
«Пламеннее солнца сердце человека...»
Пламеннее солнца сердце человека,
И душа обширней, чем небесный свод,
И живёт от века до иного века,
Что в душе созреет в урожайный год.
Как луна, печальна, как вода, текуча
В свете переменном зыблется мечта.
Пусть её закроет непогодой туча, –
Сквозь века нетленна светит красота.
«Стремит таинственная сила...»
Стремит таинственная сила
Миры к мирам, к сердцам сердца,
И ты напрасно бы спросила,

кто разомкнёт обвод кольца.
Любовь и Смерть невинны обе,
И не откроет нам Творец,
кто прав, кто нет в любви и в злобе,
Кому хула, кому венец.
Но всё правдиво в нашем мире,
В нём тайна есть, но нет в нём лжи.
Мы – гости званные на пире
Великодушной госпожи.
Душа, восторгом бесконечным
Живи, верна одной любви,
И, силам предаваясь вечным,
Закон судьбы благослови.
«Предвестие отрадной наготы...»
Предвестие отрадной наготы
В твоей улыбке озарённой встречи,
Но мне, усталому, пророчишь ты
Завтра после нег иные речи.
И я скольжу над вьюгой милых ласк
Мечтой, привыкнувшей ко всем сплетеньям,
И, не спеша войти в святой Дамаск,
На перекрёстке медлю за куреньем.
Ты подожди, прелестница, меня,
Займись хитро сплетённою косою.
Я в твой приют войду на склоне дня,
Когда поля задремлют под росюю.
А ранним утром мне расскажешь ты,
Смущённая, наивно хмуря брови,
Что предвещают алые цветы,
О чём пророчит знойный голос крови.
«О чём щебечут птицы...»
О чём щебечут птицы
Так звонко по весне?
Какие небылицы
Рассказывают мне?
Забавно, словно в сказке,
О чём звенят ручьи?
Чьи шёпоты и ласки
Перепевают, чьи?
Ответа мне не надо.
Ответ я знаю сам.
Душа беспечно рада
Весёлым голосам.
Под всякою личиной
Я узнавать привык
Любви, всегда единой,
Непостижимый лик.
«Насладился я жизнью, как мог...»
Насладился я жизнью, как мог,
Испытал несказанные пытки,
И лежу, изнемогши, у ног
Той, кто дарит страданья в избытке.
И она на меня не глядит,
Но уста её нежно-лукавы,
И последнюю, знаю, таит,
И сладчайшую чашу отравы
Для меня. Не забудет меня,
И меня до конца не оставит,
Все дороги последнего дня
Нежной лаской своей излукавит.
«Душа моя, благослови...»
Душа моя, благослови
И упоительную нежность,
И раскалённую мятежность,
И дерзновения любви.
К чему тебя влечёт наш гений,
Твори и в самый тёмный день,
Пронзая жуть, и темь, и тень

Сияньем светлых вдохновений.
Вре́мён иных не ожидай, –
Иных вре́мён и я не стою, –
И легкокрылою мечтою
Уродства жизни побеждай.
«Гори, гори, моя любовь!..»
Гори, гори, моя любовь!
Я не боюсь твоих пыланий.
Светлее воскресайте вновь
Вы, сонмы яркие желаний!
Ты погасай, моя тоска,
Хотя б с моею вместе кровью,
Стрелю меткого стрелка
Сражённая, – моей любовью.
Мне стала наконец ясна
Давно томившая загадка.
Как прежде, смерть мне не страшна,
И жить, как никогда, мне сладко.
Амог
Тринадцать раз в году больная,
Устала я от жизни этой.
Хочу лежать в гробу нагая,
Но не зарытой, не отпетой.
И будет гроб мой – белый мрамор,
И обовьют его фиалки,
И надпись золотая: «AMOR»
У ног на чёрном катафалке.
Поставят гроб в высокой башне,
В торжественном большом покое,
И там ничто тоской вчерашней
Мне не напомнит про былое.
Аканты лёгких капителей
И своды голубой эмали
Меня закроют от мятелей
И от тревожной звёздной дали.
Увижу в полночь сквозь ресницы
На ступенях алмазных лестниц
В одеждах алых вереницы
Блаженных Элизийских вестниц,
И отроков в крылатых латах,
Превосходящих блеском солнца,
На страже у дверей заклятых
Чеканенной тяжёлой бронзы.
И мне к челу с венчальным гимном
Рубиновая диадема
Прильнёт, и фимиамом дымным
Упьюсь я, как вином Эдема.
Улыбкой слабой дрогнут губы,
И сладко потеплеют чресла,
Когда серебряные трубы
Мне возвестят: «Любовь воскресла!»
И запыляет надпись: «AMOR»,
Пасхальные зажгутся свечи,
И встану я, и белый мрамор
Покину для последней встречи.
Дон-Кихот
«Бессмертную любовью любит...»
Бессмертную любовью любит
И не разлюбит только тот,
Кто страстью радости не губит,
Кто к звёздам сердце вознесёт,
Кто до могилы пламенеет, –
Здесь на земле любить умеет
Один безумец Дон-Кихот.
Он видит грубую Альдонсу,
Но что ему звериный пот,
Который к благостному солнцу
Труды земные вознесёт!

Пылая пламенем безмерным,
Один он любит сердцем верным,
Безумец бедный, Дон-Кихот.
Преображает в Дульцинею
Он деву будничных работ
И, преклоняясь перед нею,
Ей гимны сладкие поёт.
Что юный жар любви мгновенной
Перед твоею неизменной
Любовью, старый Дон-Кихот!
«Порой томится Дульцинея...»
Порой томится Дульцинея,
От тёмной ревности бледна,
Но кто ей скажет: «Дульцинея,
Ты Дон-Кихоту не верна!»
Изменит грубая Альдонса,
Любой приманкою взята,
Но кто же скажет ей: «Альдонса,
Для Дон-Кихота ты свята!»
Душою прилепляясь к многим,
Одну прославил Дон-Кихот.
Даруя милости убогим,
Не изменяет Дон-Кихот.
«Кругом насмешливые лица...»
Кругом насмешливые лица, –
Сражён безумный Дон-Кихот.
Но знайте все, что есть светлица,
Где Дон-Кихота дама ждёт.
Рассечен шлем, копье сломалось,
И отнят щит, и порван бант,
Забыв про голод и усталость,
Лежит убитый Росинант.
В изнеможении, в истоме
Пешком плетётся Дон-Кихот.
Он знает, что в хрустальном доме
Царица Дон-Кихота ждёт.
Свирель
В стиле бержерет 18-го века
«Не знают дети...»
Не знают дети,
Зачем весна
И что за сети
Плетет она.
И я не знала,
Зачем весна,
И я сбирала
Цветы одна.
Но наступила
Моя весна
И разбудила
Меня от сна.
О чём, какую, –
Скажи, весна, –
Душа тоскою
Упоена?
О чём мечтаю, –
Скажи, весна, –
В кого, не знаю,
Я влюблена.
«Соловей...»
□□Соловей
□□Средь ветвей
Для подружки трели мечет,
□□И ручей
□□Меж камней
Ворожит, журчит, лепечет.
□□У ручья
□□Соловья

Слушай, милому внимая.

«Жизнь моя!» –

«Я – твоя!»

О, любовь в начале мая!

«Не дождь алмазный выпал...»

Не дождь алмазный выпал, –

То радугу рассыпал

Весёлый Май в росу.

Вдыхая воздух чистый,

Я по траве росистой

Мечты мои несусь.

Я не с высоких башен.

Моим ногам не страшен

Твой холодок, роса.

Не нужны мне рубины,

Фиалками долины

Осыпана коса.

Не пышные, простые,

Цветочки полевые,

Но все они в росе,

Как бриллианты, блещут,

Сияют и трепещут

В густой моей косе.

«Солнце в тучу село...»

Солнце в тучу село, –

Завтра будет дождь.

Но пойду я смело

Под навесы роц.

Стану для забавы

У седой ольхи,

Где посуше травы

И помягче мхи.

Ничего, что дождик

Вымочит весь луг, –

Раньше или позже

К роце выйдет друг.

«Погляди на незабудки...»

Погляди на незабудки,

Милый друг, и не забудь

Нежной песни, звучной дудки,

Вздохов, нам теснивших грудь.

Не забудь, как безмятежно

Улыбался нам Апрель,

Как зарёй запела нежно

В первый раз твоя свирель.

Не забудь о сказках новых,

Что нашёптывал нам Май,

И от уст моих вишнёвых

Алых уст не отнимай.

И, когда на дно оврага

Убежишь от зноя ты,

Где накопленная влага

Поит травы и цветы,

Там зашепчут незабудки:

«Не забудь её любви!»

Ты тростник для новой дудки,

Подзывать меня, сорви.

Небо голубое

«Измотал я безумное тело...»

Измотал я безумное тело,

Расточитель дарованных благ,

И стою у ночного предела,

Изнурён, беззащитен и наг.

И прошу я у милого Бога,

Как никто никогда не просил:

«Подари мне ещё хоть немного

Для земли утомительной сил!

Огорченья земные несносны,

Непосильны земные труды,
Но зато как пленительны вёсны!
Как прохладны объятья воды!
Как пылают багряные зори!
Как мечтает жасминовый куст!
Сколько ласки в лазоревом взоре
И в лобзании радостных уст!
И ещё вожденней лобзанья,
Ароматней жасминных кустов
Благодатная сила мечтанья
И певучая сладость стихов.
У Тебя, милосердного Бога,
Много славы, и света, и сил,
Дай мне жизни земной хоть немного,
Чтоб я новые песни сложил».

Утомительные дали
«Мне боги праведные дали...»
Мне боги праведные дали,
Сойдя с лазоревых высот,
И утомительные дали,
И мёд укрепный дольных сот.
Когда в полях томленье спело,
На нивах жизни всхожий злак,
Мне песню медленную спело
Молчанье, сеющее мак.
Когда в цветы впивалось жало
Одной из медотворных пчёл,
Серпом горящим солнце жало
Созревшие колосья зол.
Когда же солнце засыпало
На ложе облачных углей,
Меня молчанье засыпало
Цветами росными полей,
И вокруг меня ограды стали,
Прозрачней чистого стекла,
Но твёрже закалённой стали,
И только ночь сквозь них текла,
Пьяна медлительными снами,
Колыша ароматный чад.
И ночь, и я, и вместе с нами
Мечтали рои вешних чад.
«Я люблю весной фиалки...»
Я люблю весной фиалки
Под смеющейся росой.
В глубине зелёной балки
Я люблю идти босой,
Забывая пыль дороги
И лукавые слова,
Высоко открывши ноги,
Чтоб ласкала их трава,
Опустившись по ложбинкам,
Через речку вброд брести,
Выбираться по тропинкам
На далёкие пути,
Где негаданны и новы,
Как заветная земля,
И безмолвные дубровы,
И дремотные поля.
«На свете много благоуханной и озарённой красоты...»
На свете много благоуханной и озарённой красоты,
Забава девам, отрада жёнам – весенне-белые цветы.
Цветов весенних милее жены, желанней девы, – о них мечты.
Но кто изведаль уклоны жизни до вечно-тёмной, ночной черты,
Кто видел руку над колыбелью у над могильной, немой плиты,
Тому понятно, что в бедном сердце печаль и радость навек слиты.
Ликуй и смейся над вещей бездной, всходи беспечно на все мосты,
А эти стоны: «Дышать мне нечем, я умираю!» – поймёшь ли ты?
«Спокойно и просто...»

□□Спокойно и просто
Иду в неоглядную даль.
□□У каждого моста
Ручейно проблещет печаль.
□□Но верную сладость
Познал я в просторе дорог,
□□Где умная радость
Таится в круженьи тревог.
□□И если морока
Совьёт перелётную пыль,
□□Я с властью пророка
Подъемлю дорожный костыль.
□□Всю нечисть земную
Сберёт ли грохочущий гром,
□□Врага зачарую
Моим кипарисным крестом.
«Дорожки мокрые бегут...»
□□Дорожки мокрые бегут,
Свивался по рыжеватым травам,
И небеса о вечности не лгут,
□□Завешаны туманом ржавым.
□□Глотая мимолётный дым
Неторопливого локомотива,
□□Поля молчат, а мы скользим
По неуклонным рельсам мимо, мимо.
Как бессознателен их тусклый сон,
□□Так слепо и стремленье наше,
Но если цели нет в дали времён,
□□То есть напиток в дивной чаше,
Что опрокинута в творящий миг
□□Над милою землёю нашей,
□□Которую сам Бог воздвиг,
Неистоощимую любуясь чашей.
«Улыбались, зеленея мило, сосенки...»
Улыбались, зеленея мило, сосенки,
□□Октябрю и Покрову,
□□А печальные березыньки
Весь убор сронили в ржавую траву.
Ах, зелёные, весёлые бессмертники,
□□Позавидую ли вам?
□□Разве листья-кратколетники
Наклонять не слаще к свежим муравам?
И не слаще ль вместе с нашей тёмной матерью
□□Умирать и воскресать?
□□Разве сердцу не отраднее
О былом, о вешнем втайне помечтать?
«Пробегают грустные, но милые картины...»
Пробегают грустные, но милые картины,
Сотни раз увиденный аксаковский пейзаж.
□□Ах, на свете всё из той же самой глины,
□□И природа здесь всегда одна и та ж!
Может быть, скучает сердце в смене повторений,
Только что же наша скука? Пусть печалит, пусть!
□□Каждый день кидает солнце сети теней,
□□И на розовом закате тишь и грусть.
Вместе с жизнью всю её докучность я приемлю,
Эти речки и просёлки я навек избрал,
□□И ликует сердце, оттого что в землю
□□Солнце вновь вонзилось миллионом жал.
«Как ярко возникает день...»
□□Как ярко возникает день,
В полях оснеженных, бегущих мимо!
Какая зыбкая мелькает тень
□□От беглых, белых клочьев дыма!
□□Томившая в ночном бреду
□□Забыта тягость утомлений,
И память вновь приводит череду
Давно не мной придуманных сравнений.

□□И сколько б на земле ни жить,
□□Но радостно над каждым утром
Всё тем же неизбежным перламутром
И тою ж бирюзой ворожить.
Людей встречать таких же надо снова,
□□Каких когда-то знал Сократ,
А к вечеру от счастья земного
□□Упасть в тоске у тех же врат,
□□И, так же заломивши руки
И грудью жадною вдыхая пыль,
Опять перековать в ночные муки
□□Земную сладостную быль.
«На всё твоё ликующее лето...»
На всё твоё ликующее лето
Ложилась тень осенних перемен,
И не было печальнее предмета,
Чем ожидаемый подснежный плен.
Но вот земля покрылась хрупким снегом,
Покорны реки оковавшим льдам,
И вновь часы земные зыбким бегом
Весенний рай пророчествуют нам.
А зимний холод? Сил восстановитель.
Как нёктар, полной грудью воздух пей.
А снежный плен? Засеянных полей
Он – верный друг, он – жизни их хранитель.
«В норе темно и мглисто...»
В норе темно и мглисто,
Навис тяжёлый свод,
А под норю чисто
Стремленье горных вод.
Нору мою оставляю,
Построю крепкий дом,
И не простор прославлю,
Не светлый водоём,
Прославлю я ограды,
И крепость новых стен,
И мирные отрады,
И милый сердцу плен.
Тебя, оград строитель,
Прославить надо мне.
Ликующий хранитель,
Живи в моём огне.
Все ночи коротая
В сырой моей норе
И утром насекая
Заметки на коре,
Скитаяся в пустыне,
В пыли дневных дорог,
В безрадостной гордыне
Я сердцем изнемог.
Устал я. Сердцу больно.
Построить дом пора.
Скитаний мне довольно!
Прощай, моя нора!
Хочу я новоселья,
Хочу свободных слов,
Цветов, огней, веселья,
Вина, любви, стихов!
«Людская душа – могила...»
Людская душа – могила,
Где сотворивший мирно спит.
Жизнь живую земля покрыла,
Травами, цветами она говорит.
Приходи помечтать над могилой,
Если сам не умер давно.
Проснётся с несказанною силой
Всё, что казалось темно.
И травы приклонятся к травам,

Цветы улыбнутся цветам,
И ветер зашепчет дубравам,
Нивам, полям и кустам.
«Когда я стану умирать...»
Когда я стану умирать,
Не запоёт ли рядом птичка,
И не проснётся ли привычка
В бессильи силы собирать?
Мой вздох последний замедляя,
Не встанет ли передо мной
Иная жизнь, иной весной
Меня от смерти откликая?
Не в первый раз рождённый, я
Смерть отклоню упрямой волей
И отойду от смертных болей
Ещё послушать соловья.
«Пройдёт один, пройдёт другой...»
Пройдёт один, пройдёт другой,
И перекрёсток снова пуст,
Лишь взвееется сухая пыль
Дыханием далёких уст,
И над пустынной душой
Синея, тают небеса,
И тучи переносят быль
Томления за те леса,
Где кто-то светлый и благой
Благословляет нашу грусть.
Безмолвная душа, не ты ль
Запомнила всё наизусть,
Как шёл один, как шёл другой,
И как вокруг обычность вся
Металася, степной ковыль
Медлительным дождём рося.
«Снова саваны надели...»
Снова саваны надели
Рощи, нивы и луга.
Надоели, надоели
Эти белые снега,
Эта мёртвая пустыня,
Эта дремлющая тишь!
Отчего ж, душа-рабыня,
Ты на волю не летишь,
К буйным волнам океана,
К шумным стогнам городов,
На размах аэроплана,
В громыханье поездов,
Или, жажду жизни здешней
Горьким ядом утоля,
В край невинный, вечно-вешний,
В Элизийские поля?
«Порозовевшая вода...»
Порозовевшая вода
О светлой лепетала карме,
И, как вечерняя звезда,
Зажёгся крест на дальнем храме,
И вспомнил я степной ковыль
И путь Венеры к горизонту,
И над рекой туман, как пыль,
Легко навеивал дремоту,
И просыпалася во мне
Душа умершего в Египте,
Чтобы смотреть, как при луне
Вы, люди нынешние, спите.
Какие косные тела!
И надо ли бояться смерти!
Здесь дым, и пепел, и зола,
И вчеловеченные звери.
Утешные ночи

«В прозрачной тьме прохладный воздух дышит...»

В прозрачной тьме прохладный воздух дышит,
Вода кругом, но берег недалёк,
Вода челнок едва-едва колышет,
И тихо зыблет лёгкий поплавок.

Я – тот, кто рыбу ночью тихо удит
На озере, обласканном луной.

Мне дрозд поёт. С чего распелся? Будит
Его луна? Иль кто-нибудь иной?
Смотрю вокруг. Как весело! Как ясно!

И берег, и вода, – луне и мне
Всё улыбается и всё прекрасно.
Да уж и мне не спеть ли в тишине?

«Призрак ели с призраком луны...»

□□Призрак ели с призраком луны
Тихо ткут меж небом и землёю сны.

□□Призрак хаты с призраком реки,
Чуть мерцающие, зыблют огоньки.

□□А над зыбко ткущимися снами,
И над тихо зыблемыми огоньками,

□□И над призраками бедных хат
Ночь развёртывает чародейный плат,

□□Опрокидывает чёрный щит,
И о свете незакатном ворожит.

«Как незаметно подступила...»

Как незаметно подступила

Успокоительница-ночь!

Но где же все твои светила?

«Я тучею заворожила

Мои светила», – шепчет ночь.

Одна ты радоваться хочешь

Тому, что есть, вещунья-ночь.

О чём же тьмой ты мне пророчишь?

«Ещё ты много стрел отточишь,
Ликуй, но бойся», – шепчет ночь.

Зачем и чем меня тревожишь

Ты, предвещательница-ночь?

Судеб ты изменить не можешь.

«Ты сам томления умножишь,

Но не печалься», – шепчет ночь.

Ночным вещаньям чутко внемлю

И вопрошаю снова ночь:

«Какую радость я приемлю?» –

«Свой жезл вонзи в родную землю,

Вновь расцветёт он», – шепчет ночь.

Мне внятен твой утешный шёпот,

Тебе я верю, верю, ночь,

Но что же значит дальний топот?

«Иди спокойно. Что твой ропот?

Всё в Божьей воле», – шепчет ночь.

«Только мы вдвоём не спали...»

Только мы вдвоём не спали,

я и бледная луна.

Я был тёмен от печали,

А луна была ясна.

И луна, таясь, играя

Сказкой в зыблемой пыли,

Долго медлила у края

Тьмою дышащей земли.

Но, восторгом опьянённый,

Я взметнул мою луну

От земли, в неё влюблённой,

Высоко на крутизну.

Что порочно, что безгрешно,

Вместе всё луна сплела, –

Стала ночь моя утешна,

И печаль моя – светла.

«Ты хочешь, девочка луна...»

Ты хочешь, девочка луна,
Идущая с крутого неба
Отведать горнего вина
И нашего земного хлеба.
Одежды золотая сеть
Пожаром розовым одела
Так непривыкшее гореть
Твоё медлительное тело.
Вкусив таинственную смесь
Того, что в непонятном споре
Разделено навеки здесь,
Поёшь ты в благодатном хоре.
Твой голос внятен только мне,
И, опустив глаза, я внемлю,
Как ты ласкаешь в тишине
Мечтательною песней землю.
«И это небо голубое...»
И это небо голубое,
И эта выпретенная тишь!
И кажется, – дитя ночное,
К земле стремительно летишь,
И радостные взоры клонишь
На безнадёжную юдоль,
Где так мучительно застонешь,
Паденья ощутивши боль.
А всё-таки стремиться надо,
И в нетерпении дрожать.
Не могут струи водопада
Свой бег над бездной задержать,
Не может солнце стать незрячим,
Не расточать своих лучей,
Чтобы, рождённое горячим,
Всё становиться горячей.
Порыв, стремленье, лихорадка, –
Закон рождённых солнцем сил.
Пролей же в землю без остатка
Всё, что от неба получил.
«Пал на небо серый полог...»
Пал на небо серый полог,
Серый полог на земле.
Путь во мгле безмерно долгодолг.
Долгодолг путь в туманной мгле.
Веет ветер, влажный, нежный,
Влажно-нежный, мне в лицо.
Ах, взошёл бы, безмятежный,
На заветное крыльцо!
Постоял бы у порога,
У порога в светлый дом,
Помечтал бы хоть немного,
Хоть немного под окном,
И вошёл бы, осторожный,
Осторожно в тот приют,
Где с улыбкой бестревожной
Девы мудрые живут!
«Час ворожбы и гаданья...»
Час ворожбы и гаданья.
Солнце в далёкой стране.
Но не его ли сиянья
На безмятежной луне?
И не его ли очами
Жизнь на земле зажжена?
И не о нём ли ночами
Томно мечтает она?
В ясную ночь полнолуны
Над колыханием трав
Пляшет нагая колдунья,
Золото кос разметав.
Пан ли играет на флейте?

Звучно ль падение вод?
Девушки резвые, рейте,
Вейте за ней хоровод.
Вкруг одинокой берёзы,
Дикого духа моля.
Лейте горючие слёзы,
Смехом будите поля.
Тело стихиям откройте.
Пыль полуночных дорог
Росами травными смойте
С голых стремительных ног.
Вот, под луною мелькая
Длинной и светлой косой,
В белом покрове Иная
С вашей сплелась чередой.
Словно возникла из праха,
Мчится, как вихорь, легка.
В зыбком томлении страха
Веет от дивной тоска.
Смейтесь, и плачьте, и рейте,
Вейте одна за другой,
Страх и тоску одолейте
Буйной ночью игрой.
«Яро длился милый день...»
Яро длился милый день
И склонился под плетень.
Тот, кто любит жить со мглой,
Проводил его хулой.
Страстным пьяная вином,
Ночь маячит за окном,
Шепчет ветру: «Помолчи!
Потеряла я ключи!»
Всходит томная луна,
Как невольница бледна,
Шепчет ветру: «Будет срок,
Раскуёт мой брат замок».
Что же делать ночью мне?
Посидеть ли на окне,
Помечтать ли о былом,
Погадать ли об ином?
Добрый день погас давно.
Затворить пора окно,
И тебе, хмельная мать,
Доброй ночи пожелать.
Милая Волга
«Плыву вдоль волжских берегов...»
Плыву вдоль волжских берегов.
Гляжу в мечтаньях простодушных
На бронзу яркую лесов,
Осенней прихоти послушных.
И тихо шепчет мне мечта:
«Кончая век уже недолгий,
Приди в родимые места
И догорай над милой Волгой».
И улыбаюсь я, поэт,
Мечтам сложивший много песен,
Поэт, которому весь свет
Для песнопения стал тесен.
Скиталец вечный, ныне здесь,
А завтра там, опять бездомный,
Найду ли кров себе и весь,
Где положу мой посох скромный?
Царица левкой
Левкой благоухала нежно
Под стрекотание стрекоз
И улыбалась безмятежно
Дыханию усталых роз.
И всё, что вокруг неё дышало,

Вкушая сладостный покой,
Хвалой согласно венчало
Благоуханную Левкой.
И уж не ты, о роза мая,
Тогда царицею была,
Когда, зарницами пылая,
С востока поднималась мгла.
Пускай пылающие бои
Затмят высокую лазурь,
Но в безмятежности Левкой
Победа над безумством бурь.
«Кукушка кукует...»

□□Кукушка кукует.
Забавится сердце приметам.
□□Весна поцелует
Устами, едва разогретыми,
□□Лесные опушки
Цветеньем мечты обнесёт, –
□□К чему же кукушки
Протяжный, медлительный счёт?
□□Зарёю вечерней
Поёт соловей, заливаётся.
□□Душа суеверней.
Светло и отрадно мечтается.
□□Нездешняя радость
Наполнила даль бытия.
□□К чему ж эта сладость
В призывной тоске соловья?

Сонет
триолетно-октавный
Нисходит милая прохлада,
В саду не шелохнётся лист,
Простор за Волгой нежно-мглист.
Нисходит милая прохлада
На задремавший сумрак сада,
Где воздух сладостно-душист.
Нисходит милая прохлада,
В саду не шелохнётся лист.
В душе смиряется досада,
И снова облик жизни чист,
И вновь душа беспечно рада,
Как будто соловьиный свист
Звучит в нерукотворном храме,
Победное колебля знамя.
«Узнаёшь в тумане зыбком...»
Узнаёшь в тумане зыбком
Всё, чем сердце жило прежде,
Возвращаешься к улыбкам
И к мечтательной надежде.
Кто-то в мочки пару серег,
Улыбаясь, продевает
И на милый, светлый берег
Тихой песней призывает
Посидеть на куче брёвен,
Где тихонько плещут волны,
Где песочный берег ровен,
Поглядеть рыбачьи чёлны,
Рассказать, чем сердце жило,
Чем болело и горело,
И кого оно любило,
И чего оно хотело.
Так мечтаешь, хоть недолго,
О далёкой, об отцветшей.
Имя сладостное Волга
Сходно с именем ушедшей.
В тихий день воспоминанья
Так утешны эти дали,
Эти бледные мерцанья,

Эти мгlistые вуали.
«Знойно туманится день...»
Знойно туманится день,
Гарью от леса несёт,
Тучи лиловая тень
Тихо над Волгой ползёт.
Знойное буйство, продлись!
Длись, верховный пожар!
Чаша земная, курись
Неистошцимостью чар!
Огненным зноем живу,
Пламенной песней горю,
Музыкой слова зову
Я бирюзу к янтарю.
Тлей и алей, синева,
В буйном кружении вьюг!
Я собираю слова,
Как изумруд и жемчуг.
«Туман и дождь. Тяжёлый караван...»
Туман и дождь. Тяжёлый караван
Лохматых туч влачится в небе мгlistом.
Лесною гарью воздух горько пьян,
И сладость есть в дыхании смолистом,
И радость есть в уюте прочных стен,
И есть мечта, цветущая стихами.
Печальный час, и ты благословен
Любовью, сладкой памятью и снами.
«Туманы над Волгою милой...»
Туманы над Волгою милой
Не спорят с моею мечтой,
И всё, что блистая томило,
За мгlistую никнет чертой.
Туманы над милою Волгой
В забвении тусклых болот
Пророчат мне счастья недолгий,
Но сладостно-ясный полёт.
Свирель
В стиле французских бержерет
«Амур – застенчивое чадо...»
Амур – застенчивое чадо.
Суровость дня него страшна.
Ему свободы сладкой надо.
Откроет к сердцу путь она.
Когда ничто не угрожает,
Как он играет, как он рад!
Но чуть заспорь с ним, улетает
И не воротится назад.
И как ни плачь, и как ни смейся,
Уже его не приманить.
Не свяжешь снова, как ни бейся,
Однажды порванную нить.
Поймите, милые, что надо
Лелеять нежную любовь.
Амур – застенчивое чадо.
К чему нахмуренная бровь?
«Бойся, дочка, стрел Амура...»
«Бойся, дочка, стрел Амура.
Эти стрелы жал больней.
Он увидит, – ходит дура,
Метит прямо в сердце ей.
Умных девушек не тронет,
Далеко их обойдёт,
Только глупых в сети гонит
И к погибели влечёт».
Лиза к матери прижалась,
Слёзы в три ручья лия,
И, краснея, ей призналась:
«Мама, мама, дура я!

Утром в роще повстречала
Я крылатого стрелка
И в испуге побежала
От него, как лань легка.
Поздно он меня заметил,
И уж как он ни летел,
В сердце мне он не уметил
Ни одной из острых стрел,
И когда к моей ограде
Прибежала я, стена,
Он махнул крылом в досаде
И умчался от меня».
«За цветком цветёт цветок...»
За цветком цветёт цветок
Для чего в тени дубравной?
Видишь, ходит пастушок.
Он в венке такой забавный.
А зачем, скажи, лужок?
На лужке в начале мая
Ходит милый пастушок,
Звонко на рожке играя.
Для чего растёт лесок?
Мы в леску играем в прятки.
Там гуляет пастушок.
С пастушком беседы сладки.
А песочный бережок?
Он для отдыха годится.
Там гуляет пастушок,
В воды светлые глядится.
А прозрачный ручеёк?
Хорошо в ручье купаться.
Близко ходит пастушок,
Хочет милую дожждаться.
«Цветков благоуханье...»
Цветков благоуханье,
И птичье щебетанье,
И ручейков журчанье, –
Всё нам волнует кровь,
И сказывает сказки
Про радостные ласки,
Про сладкую любовь.
Прекрасна, как цветочек,
Легка, как мотылёчек.
Иди ко мне в лесочек,
Иди ко мне смелей.
Чего тебе бояться?
Не долго улыбаться
Весне в тени ветвей.
Поспешно мчатся Оры.
И дни, и ночи скоры.
Замолкнут птичьи хоры,
Всё милое пройдёт.
Настанет час истомный,
Увянет ландыш скромный,
Фиалка отцветёт.
К чему терять мгновенья
На ложные сомненья,
На скуку размышленья?
Целуй меня, целуй!
Любви отдайся нежной
И ласке безмятежной
У этих звучных струй.
«Нет, я тому не верю, что шепчет мне Колен...»
Нет, я тому не верю, что шепчет мне Колен,
Как радостен для сердца любовный милый плен.
□□Перед Клименной отчего же
□□□Климен в слезах,
□□И вечно всё одно и то же,

То ох, то ах!

О нет, я не поверю, как ни шепчи Колен,
Что сладостен для сердца любовный нежный плен.

Тогда зачем же все моленья

У милых ног,

И столько горести, томленья,

Тоски, тревог?

О нет, о нет, не верю, как ни шепчи, Колен,
Что для сердец отраден любовный хмельный плен!

«Тирсис под сенью ив...»

Тирсис под сенью ив

Мечтает о Нанетте,

И, голову склонив,

Выводит на мюзетте:

«Любовью я, – тра, та, там, та, – томлюсь,
К могиле я, – тра, та, там, та, – клонюсь».

И эхо меж кустов,

Внимая воплям горя.

Не изменяет слов,

Напевам томным вторя:

«Любовью я, – тра, та, там, та, – томлюсь,
К могиле я, – тра, та, там, та, – клонюсь».

И верный пёс у ног

Чувствителен к напасти,

И вторит, сколько мог

Усвоить грубой пасти:

«Любовью я, – тра, та, там, та, – томлюсь,
К могиле я, – тра, та, там, та, – клонюсь».

Овечки собрались, –

Ах, нежные сердечки! –

И вторить принялись,

Как могут петь овечки:

«Любовью я, – тра, та, там, та, – томлюсь,
К могиле я, – тра, та, там, та, – клонюсь».

Едва от грусти жив

Тирсис. Где ты, Нанетта?

Внимайте, кущи ив!

Играй, взывай, мюзетта:

«Любовью я, – тра, та, там, та, – томлюсь,
К могиле я, – тра, та, там, та, – клонюсь».

«Румяным утром Лиза, весела...»

Румяным утром Лиза, весела,

Проснувшись рано, в лес одна пошла.

Услышав пенье пташек по кустам,

Искала гнёзд она и здесь и там,

И что же взор прекрасной подстерёг?

То был Амур, любви крылатый бог.

Она дрожит, в огне жестоком кровь,

Лицо горит, и к сердцу льнёт любовь.

Корсаж Амуру сделавши тюрьмой,

Она несёт его к себе домой,

И говорит отцу, едва дыша:

«Смотри, отец, как птичка хороша!»

Ждала улыбки Лиза от отца.

Отец ворчит: «Узнал я молодца!»

Амуру крылья вмиг обрезал он,

И в клетке бог, – попался в злой полон.

«Скоро крылья отрастут...»

Скоро крылья отрастут

У пленённого Амура,

И фиалки зацветут

В сладких песнях трубадура.

Прутьев клетки не разбить

Соловью иль робкой кенке,

Но Амура полонить

Разве могут эти стенки?

Ах, придёт, придёт весна,

Засмеются гибко ветки,

И, проснувшись от сна,
Улетит Амур из клетки.
«Не пойду я в лес гулять одна...»
Не пойду я в лес гулять одна, –
Тень лесная мне теперь страшна.
□□Накануне повстречалась
□□Там я с милым пастушком,
□□Но лишь только обменялась
□□С ним приветливым словцом,
□□Уже он меня лобзает
□□В щёки, в губы и в плечо,
□□И о чём-то умоляет,
□□Что-то шепчет горячо.
Не пойду я больше в лес одна, –
Мне страшна лесная тишина.
□□Поняла, о чём он стонет,
□□Что стремится он найти,
□□И к чему он речи клонит.
□□Как мне честь мою спасти?
□□Уж смыкаются объятья,
□□В бездну жуткую влача.
□□Развязался пояс платья,
□□Лямка падает с плеча.
Нет, уж не пойду я в лес одна, –
Мне лесная тишина страшна.
□□Так бы я совсем пропала,
□□Но на счастье моё
□□В том лесу Филис гуляла.
□□Мы увидели её,
□□И в смущеньи, и в испуге
□□Он умчался как стрела.
□□Побежала я к подруге:
 «Хорошо, что ты пришла!»
Не пойду вперёд я в лес одна, –
Мне страшна лесная тишина.
«Как мне с коленом быть, скажи, скажи мне, мама...»
Как мне с коленом быть, скажи, скажи мне, мама.
О прелестях любви он шепчет мне упрямо.
□□Колен всегда такой забавный,
□□Так много песен знает он.
□□У нас в селе он самый славный,
□□И знаешь, он в меня влюблён,
И про любовь свою он шепчет мне упрямо.
Что мне сказать ему, ах, посоветуй, мама!
□□Меня встречая у опушки,
□□Он поднимает свой рожок,
□□И кукованию кукушки
□□Он вторит, милый пастушок.
Он про любовь свою всё шепчет мне упрямо...
Но что же делать с ним, скажи, скажи мне, мама.
□□Он говорит: «Люби колена.
□□Душа влюблённая ясна,
□□А время тает, словно пена,
□□И быстро пролетит весна».
Всё про любовь свою он шепчет мне упрямо.
Что мне сказать ему, ах, посоветуй, мама!
□□Он говорит: «Любви утехам
□□Пришла пора. Спешить любить,
□□И бойся беззаботным смехом
□□Мне сердце томное разбить».
Люблю ли я его, – меня он спросит прямо.
Тогда что делать с ним, скажи, скажи мне, мама.
«Не знают дети...»
Не знают дети,
Зачем весна,
Какие сети
Плетёт она.
И я не знала,

Зачем весна,
И я срывала
Цветы одна.
Но наступила
Моя весна
И разбудила
Меня от сна.
О чём, какую, –
Скажи, весна, –
Душа тоскою
Упоена?
О чём мечтаю?
Скажи, весна.
В кого, не-знаю,
Я влюблена.
Ручей струится, –
Тобой, весна,
Он веселится,
Согрет до дна.
Иду я в воды
К тебе, весна,
И речь природы
Мне вдруг ясна.
Люблю Филена, –
Узнай, весна!
Мои колена
Ласкай, волна!
«Весна сияла ясно...»
Весна сияла ясно.
Фиалка расцвела.
Филис, легка, прекрасна,
Гулять в поля пришла.
И думает фиалка:
«О дева, ты – весна,
И как мне, бедной, жалко,
Что слишком я скромна!
Увы, мой венчик малый
Что даст её мечте?
Цвести бы розой алой
На пышном мне кусте.
Она меня взяла бы,
Мой аромат вдохнуть,
И я тогда могла бы
К её груди прильнуть».
Фиалкиным мечтаньям
Не внемлешь ты, весна.
Иным очарованьем
Филис упоена.
Мечтает о Филене.
Филен сюда придёт,
И о любовном плене
Ей песенку споёт.
Она ступила белой
И лёгкою ногой,
Ещё незагорелой,
На цветик полевой.
На травке увядает
Помятый стебелёк.
Фиалка умирает.
Увы! Жестокий рок!
Любовь неодолима,
Проносится, губя.
Филис проходит мимо,
Мечтая и любя.
«Скупа филис, но пыл мятежный...»
Скупа филис, но пыл мятежный
Сильвандру надо утолить.
Баранов тридцать деве нежной

Он дал, чтоб поцелуй купить.
Наутро согласилась рано,
И к пастушку щедрей была, –
Лобзаний тридцать за барана
Пастушка милому дала.
День ото дня Филис нежнее,
Боится, – пастушок уйдёт.
Баранов тридцать, не жалея,
За поцелуй ему даёт.
Потом Филис умней не стала,
И всех баранов и собак
На поцелуи променяла,
А он целует Лизу так.
«В лугу паслись барашки...»
В лугу паслись барашки.
Чуть веял ветерок.
Филис рвала ромашки,
Плела из них венки.
□□Сильвандра
□□Она ждала.
□□Филис Сильвандру,
□□Сильвандру
□□Венок плела.
А в роще недалёкой
Сильвандр один гулял.
Для Лизы черноокой
Фиалки он собирал.
□□Сильвандра
□□Филис ждала.
□□Она Сильвандру,
□□Сильвандру
□□Венок плела.
Вдруг видит, – Лиза входит
Украдкой в лесок.
Её к ручью выводит
Коварный пастушок.
□□Сильвандра
□□Филис ждала.
□□Филис Сильвандру,
□□Сильвандру
□□Венок плела.
Таясь в кустах ревниво,
Увидела она,
Как Лиза шаловлива
И как она нежна.
□□Сильвандра
□□Филис ждала.
□□Она Сильвандру,
□□Сильвандру
□□Венок плела.
К траве склонившись низко,
И плачет, и дрожит,
Но утешенье близко, –
К Филис Филен бежит.
□□Сильвандра
□□Она ждала.
□□Она Сильвандру,
□□Сильвандру
□□Венок плела.
«Филис, к чему же слёзы? –
Ей говорит Филен. –
В любви не только розы,
Бояться ли измен?»
□□Сильвандра
□□Филис ждала.
□□Но не Сильвандру,
□□Филену
□□Венок дала.

«В лес пришла пастушка...»

□□В лес пришла пастушка,

□□Говорит кукушке:

«Погадай, кукушка,

□□Сколько лет пастушке

□□Суждено прожить?»

Кукушка кукует: раз, два, три, четыре, пять, шесть, –

Кукует, кукует так долго, что Лизе не счесть.

□□И, смеясь, пастушка

□□Говорит с кукушкой:

«Что же ты, кукушка?

□□Неужель старушкой

□□Весело мне быть!»

Кукушка кукует: раз, два, три, четыре, пять, шесть, –

Кукует, кукует так долго, что Лизе не счесть.

□□Вздумала пастушка

□□Так спросить кукушку:

«Погадай, кукушка,

□□Сколько лет пастушку

□□Будет друг любить?»

Кукушка кукукнула раз, и молчит, и молчит,

А Лиза смеётся: «Так что же, хоть год!» – говорит.

«Вижу, дочь, ты нынче летом...»

«Вижу, дочь, ты нынче летом

От колена без ума,

Но подумай-ка об этом,

Что тебе сулит зима.

У Амура стрелы метки,

Но ещё грозит беда:

Был же аист у соседки,

Не попал бы и сюда». –

«Мама, я не унываю.

Чтобы ту беду избыть,

Я простое средство знаю:

Надо аиста убить.

Что же мне тужить о ране!

Как она ни тяжела,

У Амура есть в колчане

И на аиста стрела».

«Небо рдеет...»

□□Небо рдеет.

□□Тихо веет

Тёплый ветерок.

□□Близ опушки

□□Без пастушки

Милый пастушок.

□□Где ж подружка?

□□Ах, пастушка

Близко, за леском,

□□Вдоль канавки

□□В мягкой травке

Бродит босиком,

□□И овечки

□□Возле речки

Дремлют на лужку.

□□Знаю, Лиза

□□Из каприза

Не идёт к дружку.

□□Вот решился

□□И спустился

К быстрой речке он.

□□Ищет тени,

□□По колени

В струи погружён.

□□Еле дышит

□□Лиза, – слышит

Звучный лепет струй.

□□Друг подкрался,

И раздался
Нежный поцелуй.
Славить радость,
Ласки сладость,
Где найду слова?
До заката
Вся измята
Мягкая трава.
«Соловей...»
Соловей
Средь ветвей
Для подружки трели мечет,
И ручей
Меж камней
Ворожит, журчит, лепечет.
Не до сна!
Ах! весна
И любовь так сладко ранят.
Тишина
И луна
Лизу в рощу к другу манят.
Мама спит, –
И спешит
Лиза выскочить в окошко,
И бежит,
И шуршит,
И шуршит песком дорожка.
У ручья
Соловья
Слушай, милому внимая.
«Жизнь моя!» –
«Я – твоя!»
О, любовь в начале мая!
«Ах, лягушки по дорожке...»
Ах, лягушки по дорожке
Скачут, вытянувши ножки.
Как пастушке с ними быть?
Как бежать под влажной мглою,
Чтобы голою ногою
На лягушку не ступить?
Хоть лягушки ей не жалко, –
Ведь лягушка – не фиалка, –
Но, услышав скользкий хруст
И упав неосторожно,
Расцарапать руки можно
О песок или о куст.
Сердце милую торопит,
И в мечтах боязни топит,
И вперёд её влечёт.
Пусть лягушки по дорожке
Скачут, вытянувши ножки, –
Милый друг у речки ждёт.
«Не дождь алмазный выпал...»
Не дождь алмазный выпал, –
То радугу рассыпал
Весёлый Май в росу.
Вдыхая воздух чистый,
Я по траве росистой
Мечты мои несусь.
Я не с высоких башен.
Моим ногам не страшен
Твой холодок, роса.
Не нужны мне рубины,
Фиалками долины
Осыпана коса.
Не пышные, простые,
Цветочки полевые,
Но все они в росе,

Как бриллианты, блещут,
Сияют и трепещут
В густой моей косе.
«Солнце в тучу село...»
Солнце в тучу село, –
Завтра будет дождь.
Но пойду я смело
Под навесы рощ.
Стану для забавы
У седой ольхи,
Где посуше травы
И помягче мхи.
Хорошо, что дождик
Вымочит весь луг, –
Раньше или позже
К роще выйдет друг.
«Солнце от востока...»
Солнце от востока
Зажигает в росах
Травных огоньки.
Друг мой одиноко,
Опершись на посох,
Дремлет у реки.
В утренней прохладе
Мягко тонут звуки
Бега моего.
Подбегу я сзади,
Положу я руки
На глаза его,
И ему шепну я
На ухо: «Не мешкай,
Угадай, кто я!»
Руки мне целуя,
Скажет он с усмешкой:
«Ты – филис моя!»
«Дождик, дождик, перестань...»
Дождик, дождик, перестань,
По ветвям не барабань,
От меня не засти света.
Надо мне бежать леском,
Повидаться с пастушком, –
Я же так легко одета.
Пробежать бы мне лесок, –
Близко ходит мой дружок,
Слышу я, – кричит барашек.
Уж давно дружок мой ждёт,
И меня он проведёт
Обсушиться в свой шалашик.
И тогда уж, дождик, лей,
Лей, дождинок не жалея, –
Посидеть я с милым рада.
С милым рай и в шалаше.
Свежий хлеб, вода в ковше, –
Так чего же больше надо!
«Погляди на незабудки...»
Погляди на незабудки,
Милый друг, и не забудь
Нежной песни, звучной дудки,
Вздохов, нам теснивших грудь.
Не забудь, как безмятежно
Улыбался нам Апрель,
Как зарёй запела нежно
В первый раз твоя свирель.
Не забудь о сказках новых,
Что нашёптывал нам Май,
И от уст моих вишнёвых
Алых уст не отнимай.
И, когда на дно оврага

Убежишь от зноя ты,
Где накопленная влага
Поит травы и цветы,
Там зашепчут незабудки:
«Не забудь её любви!»
Ты тростник для новой дудки,
Подзывать меня, сорви.
«Посмотри, какие башмачки!..»
Посмотри, какие башмачки!
Как удобно в них ходить и ловко!
Высоки и тонки каблучки!
Разве же не славная обновка?
Чтоб совсем была нарядна я
И тебе понравилась, дружок,
Набери цветочков у ручья,
Подари мне свеженький веночек.
А когда журчащий ручеек
Перед нами на дорогу прянет,
Башмачки сниму я, а веночек
Сохраню, пока он не завянет.
«Лизу милый друг спросил...»
Лизу милый друг спросил:
«Лиза, не было ль оплошки?
Не сеньор ли проходил
По песочной той дорожке?
Не сеньор ли подарил
И цепочку, и серёжки?»
Говорит она: «Колен!
Мой ревнивец, как не стыдно!
Отдала я сердце в плен,
Да ошиблася я, видно.
Ты приносишь мне взамен
То, что слышать мне обидно.
Ревность друга победить
Знаю я простое средство.
Уж скажу я, так и быть:
Старой бабушки наследство
Не даёт мне мать носить.
Это, видишь ли, кокетство.
И надела я тайком
И цепочку, и серёжки,
Чтоб с тобой, моим дружком,
По песочной той дорожке
Тихим, тёплым вечерком
Прогуляться без оплошки.
Не люблю сеньоров я,
Их подарков мне не надо.
Рвать цветочки у ручья,
Днём пасти отцово стадо,
Ночью слушать соловья, –
Вот и вся моя отрада.
На твоих кудрях веночек,
У тебя сияют взоры,
Твой пленительный рожок
Будит в рощах птичьи хоры,
Я люблю тебя, дружок, –
Так на что мне все сеньоры!»
«За кустами шорох слышен...»
За кустами шорох слышен.
Вышел на берег сеньор.
Губы Лизы краше вишен,
Дня светлее Лизин взор.
Поклонилась Лиза низко
И, потупившись, молчит,
А сеньор подходит близко
И пастушке говорит:
«Вижу я, стоит здесь лодка.
Ты умеешь ли гребсти?»

Можешь в лодочке, красotka,
Ты меня перевезти?» –
«С позволенья вашей чести,
я гребсти обучена».
И в ладью садятся вместе,
Он к рулю, к веслу она.
«Хороша, скажу без лести.
Как зовут тебя, мой свет?» –
«С позволенья вашей чести,
Имя мне – Елизабет». –
«Имя славное, без лести.
Кем же взято сердце в плен?» –
«С позволенья вашей чести,
Милый мой – пастух Колен». –
«Где же он? Ушёл к невесте?
Знать, ему ты не нужна». –
«С позволенья вашей чести,
я – Коленова жена».
Стукнул он о дно ботфортом,
Слышно звяканье шпор.
Наклонившись над бортом,
Призадумался сеньор.
«С позволенья вашей чести,
я осмелюсь спросить,
Мы причалим в этом месте.
Или дальше надо плыть?» –
«Погулять с тобой приятно,
Но уж вижу – ты верна,
Так вези ж меня обратно
Ты, Коленова жена».
И, прощаяся, лобзает
Лизу прямо в губы он,
И, смеясь, опускает
За её корсаж дублон.
Соборный благовест
Россия
Ещё играешь ты, ещё невеста ты.
Ты, вся в предчувствии высокого удела,
Идёшь стремительно от роковой черты,
И жажда подвига в душе твоей зардела.
Когда поля твои весна травой одела,
Ты в даль туманную стремишь свои мечты,
Спешишь, волнуешься, и мнёшь, и мнёшь цветы,
Таинственной рукой из горнего предела
Рассыпанные здесь, как дар благой тебе.
Вчера покорная медлительной судьбе,
Возмущена ты вдруг, как мощная стихия,
И чувствуешь, что вот пришла твоя пора.
И ты уже не та, какой была вчера,
Моя внезапная, нежданная Россия.
«Ты слышишь гром? Склонись, не смейся...»
Ты слышишь гром? Склонись, не смейся
Над неожиданной грозой,
И легковерно не надейся,
что буря мчится стороной.
Уж демон вихрей реет грозно,
Свинцовой тучей облачён,
И облака, что плыли розно,
к себе зовёт зарницей он.
Он налетит, гремя громами,
Он башни гордые снесёт,
Молниеносными очами
Твою лачугу он сожжёт.
«Зачем, скажи...»
□□Зачем, скажи,
В полях, возделанных прилежно,
□□Среди колосьев ржи
Везде встречаем неизбежно

□□Ревнивые межи?

Одно и то же солнце греет
Тебя, суровая земля,
Один и тот же труд лелеет
Твои широкие поля.
Но злая зависть учредила,
Во славу алчности и лжи,
Неодолимые межи
Везде, где ты, земля, взрастила
Хотя единый колос ржи.

Простая песенка

□□Под острями

□□Вражеских пик

□□Светик убитый,
Светик убитый поник.

□□Миленький мальчик

□□Маленький мой,

□□Ты не вернёшься,
Ты не вернёшься домой.

□□Били, стреляли, –

□□Ты не бежал,

□□Ты на дороге,

Ты на дороге лежал.

□□Конь офицера

□□Вражеских сил

□□Прямо на сердце,

Прямо на сердце ступил.

□□Миленький мальчик

□□Маленький мой,

□□Ты не вернёшься,
Ты не вернёшься домой.

Соборный благовест

1

Давно в степи блуждая дикой,
Вдали от шумного жилья,
Внезапно благовест великий,
Соборный звон услышал я.
Охвачен трепетным смятением,
Забывши тесный мой шалаш,
Спешу к проснувшимся селеньям,
Твержу: «Товарищи, я – ваш!»
Унынье тёмное уснуло,
Оставил душу бледный страх, –
И сколько говора и гула
На перекрёстках и путях!

2

Клеветники толпою чёрной
У входа в город нам кричат:
«Вернитесь! То не звон соборный,
А возмущающий набат».
Но кто поверит лживым кликам?
Кому их злоба не ясна,
Когда в согласии великом
Встаёт родимая страна?

3

В толпе благим вещаньям внемлют.
Соборный колокол велик,
Труды бесстрашные подъемлют
Его торжественный язык.
Он долго спал, над колокольной
Зловещим призраком вися,
Пока дремотой подневольной
Кругом земля дремала вся.
Свободный ветер бури дальней,
Порою мчась издалека,
Не мог разрушить сон печальный,
Колыша медные бока.
И лишь порою стон неясный

Издаст тоскующая медь,
Чтобы в дремоте безучастной
Опять бессильно онеметь.
Но час настал, запрет нарушен,
Разрушен давний тяжкий сон,
Порыву гордому послушен
Торжественно-свободный звон.

4

Слепой судьбе противореча,
Горит надеждами восток,
И праздник радостного веча,
Великий праздник, недалёк.
Он куплен кровью наших братьев,
Слезам матерей омыт,
И вопль враждующих проклятий
Его победы не смутит.
«Солнце светлое восходит...»
Солнце светлое восходит,
Озаряя мглистый дол,
Где ещё безумство бродит,
Где ликует произвол.
Зыбко движутся туманы,
Сколько холода и мглы!
Полуночные обманы
Как сильны ещё и злы!
Злобы низменно-ползучей
Ополчилась шумно рать,
Чтоб зловещей, чёрной тучей
Наше солнце затмевать.
Солнце ясное, свобода!
Горячи твои лучи.
В час великого восхода
Возноси их, как мечи.
Яркий зной, как тяжкий молот,
Подними и опусти,
Побеждая мрак и холод
Заграждённого пути.
Тем, кто в длительной печали
Гордой волей изнемог,
Озари святые дали
За усталостью дорог.
Кто в объятых сна немом
Позабыл завет любви,
Тех горящим блеском слова
К новой жизни воззови.
Швея («Нынче праздник. За стеною...»)
Нынче праздник. За стеною
Разговор беспечный смолк.
Я одна с моей иглою,
Вышиваю красный шёлк.
Все ушли мои подруги
На весёлый свет взглянуть,
Скоротать свои досуги,
Забавляясь как-нибудь.
Мне весёлости не надо.
Что мне шум и что мне свет!
В праздник вся моя отрада,
Чтоб исполнить мой обет.
Всё, что юность мне сулила,
Всё, чем жизнь меня влекла,
Всё судьба моя разбила,
Всё коварно отняла.
«Шей нарядные одежды
Для изнеженных господ!
Отвергай свои надежды!
Проклинай их злую ложь!»
И в покорности я никла,
Трепетала, словно лань,

Но зато шептать привыкла
Слово гордое: восстань!
Белым шёлком красный мечу,
И сама я в грозный бой
Знамя вынесу навстречу
Рати вражеской и злой.
Земле
В блаженном пламени восстанья
Моей тоски не утоля,
Спешу сказать мои желанья
□□□Тебе, моя земля.
Производительница хлеба,
Разбей оковы древних меж,
И нас, детей святого неба,
Простором вольности утешь.
Дыханьем бури беспощадной,
Пожаром ярим уничтожь
Заклятья собственности жадной,
Заветов хитрых злую ложь.
Идущего за тяжким плугом
Спаси от долга и от клятв,
И озари его досугом
За торжествами братских жатв.
И засияют светлой волей
Труда и сил твои поля
Во всей безгранности раздолий
□□□Твоих, моя земля.
«День безумный, день кровавый...»
День безумный, день кровавый
Отгорел и отзвучал.
Не победой, только славой
Он героев увенчал.
Кто-то плачет, одинокий,
Над кровавой грудой тел.
Враг народа, враг жестокий
В битве снова одолел.
Издеваясь над любовью,
Хищный вскормленник могил,
Он святою братской кровью
Щедро землю напоил.
Но в ответ победным крикам
Восстаёт, могуч и яр,
В шуме пламенном и диком
Торжествующий пожар.
Грозно пламя заметалось,
Выметая, словно сор,
Всё, что дерзко возвышалось,
Что сулило нам позор.
В гневном пламени проклятья
Умирает старый мир.
Славьте, други, славьте, братья,
Разрушенья вольный пир!
«Великого смятения...»
Великого смятения
Настал заветный час.
Заря освобождения
Зажглася и для нас.
Недаром наши мстители
Восходят чередой.
Оставьте же, правители,
Губители, душители
Страны моей родной,
Усилия напрасные
Спасти отживший строй.
Знамёна веют красные
Над шумною толпой,
И речи наши вольные
Угрозою горят,

И звоны колокольные
□□Слились в набат!
Искали дочь
Печаль в груди была остра,
□□Безумна ночь, –
И мы блуждали до утра,
□□Искали дочь.
Нам запомнилась навеки
Жутких улиц тишина,
Хрупкий снег, немые реки,
Дым костров, штыки, луна.
Чернели тени на огне
□□Ночных костров.
Звучали в мёртвой тишине
□□Шаги врагов.
Там, где били и рубили,
У застав и у палат,
Что-то чутко сторожили
Цепи хмурые солдат.
Всю ночь мерещилась нам дочь,
□□Ещё жива,
И нам нашёптывала ночь
□□Её слова.
По участкам, по больницам
(Где пускали, где и нет)
Мы склоняли к многим лицам
Тусклых свеч неровный свет.
Бросали груды страшных тел
□□В подвал сырой.
Туда пустить нас не хотел
□□Городовой.
Скорби пламенной язык ли,
Деньги ль дверь открыли нам, –
Рано утром мы проникли
В тьму, к поверженным телам.
Ступени скользкие вели
□□В сырую мглу, –
Под грудой тел мы дочь нашли
□□Там, на полу.
«Тяжёлыми одеждами...»
Тяжёлыми одеждами
Закрыв мечту мою,
Хочу я жить надеждами,
О счастья пою.
Во дни святого счастья
Возникнет над землёй
Великого безвластия
Согласный, вечный строй.
Не будет ни царящего,
Надменного меча,
Ни мстящего, разящего
Безжалостно бича.
В пыли не зашевелится
Вопрос жестокий: чьё?
И в сердце не прицелится
Безумное ружьё.
Поверженными знаками
Потешится шутя
В полях, шумящих злаками,
Весёлое дитя.
«Я спешил к моей невесте...»
Я спешил к моей невесте
В беспощадный день погрома.
Всю семью застал я вместе
□□□Дома.
Все лежали в общей груди...
Крови тёмные потоки...
Гвозди вбиты были в груди,

□□□В щёки.
Что любовью пламенело,
Грубо смято тёмной силой...
Пронизали гвозди тело
□□□Милой...
«Догорало восстанье...»
□□Догорало восстанье, –
Мы врагов одолеть не могли, –
□□И меня на страданье,
На мучительный стыд повели.
□□Осудили, убили
Победители пленных бойцов,
□□А меня обнажили
Беспощадные руки врагов.
□□Я лежала нагая,
И нагайками били меня,
□□За восстанье отмщая,
За свободные речи казня.
□□Издевался, ругался
Кровожадный насильник и злой,
□□И смеясь забавлялся
Беззащитной моей наготой.
□□Но безмерность мученья
И позора мучительный гнёт
□□Неизбежности мщенья
Не убьёт и в крови не зальёт.
□□Дни безумия злого
Сосчитал уж стремительный рок,
□□И восстанья иного
Пламенеющий день не далёк.
Жалость
Пришла заплаканная жалость
И у порога стонет вновь:
«Невинных тел святая алость!
Детей играющая кровь!
За гулким взрывом лютой злости
Рыданья детские и стон.
Страшны изломанные кости
И шёпот детский: „Это – сон?“»
Нет, надо мной не властно жало
Твоё, о жалость! Помню ночь,
Когда в застенке умирала
Моя замученная дочь.
Нагаек свист, и визг мучений,
Нагая дочь, и злой палач, –
Всё помню. Жалость, в дни отмщений
У моего окна не плачь!
Парижские песни
I
Раб французский иль германский
Всё несёт такой же гнёт,
Как в былые дни спартанский,
Плетью движимый, илот.
И опять его подруга,
Как раба иных времён,
Бьётся в петлях, сжатых туго,
Для утех рантьерских жён.
Чтоб в театр национальный
Приезжали, в Орéга,
Воры бандою нахальной,
Коротая вечера, –
Чтоб огни иллюминаций
Звали в каждый ресторан
Сволоочь пьяную всех наций
И грабителей всех стран, –
Ты во дни святых восстаний
Торжество победы знал
И, у стен надменных зданий,

Умирая, ликовал.

Годы шли, – теперь взгляни же
И пойми хотя на миг,
Кто в Берлине и в Париже
Торжество своё воздвиг.

II

Здесь и там вскипают речи,
Смех вскипает здесь и там.
Матовы нагие плечи
Упоённых жизнью дам.
Сколько света, блеска, аромата!
Но кому же этот фимиам?
Это – храм похмелья и разврата,
Храм бесстыдных и продажных дам.

Вот летит за парой пара,
В жестах отметая стыд,
И румынская гитара
Утомительно бренчит.
Скалят зубы пакостные франты,
Тешит их поганая мечта, –
Но придут иные музыканты,
И пойдёт уж музыка не та,
И возникнет в дни отмщенья,
В окровавленные дни,
Злая радость разрушенья,
Облечённая в огни.

Все свои тогда свершит угрозы
Тот, который ныне мал и слаб,
И кровавые рассыплет розы
Здесь, на эти камни, буйный раб.
«Есть вдохновенье и любовь...»

Есть вдохновенье и любовь
И в этой долго длимой муке.

Люби трудящиеся руки
И проливаемую кровь.
Из пламени живого слитый,
Мы храм торжественный творим,
И расточается, как дым,
Чертог коснеющего быта.

В этот час

В этот час, когда грохочет в тёмном небе грозный гром,
В этот час, когда в основах сотрясается наш дом,
В этот час, когда в тревоге вся надежда, вся любовь,
И когда сильнейший духом беспокойно хмурит бровь,
В этот час стремите выше, выше гордые сердца, –
Наслаждается победой только верный до конца,
Только тот, кто слепо верит, хоть судьбе наперекор,
Только тот, кто в мать не бросит камнем тягостный укор.

«Не презирай хозяйственных забот...»

Не презирай хозяйственных забот,
Люби труды серпа в просторе нивы,
И пыль под колесом, и скрип ворот,
И благостные кооперативы.

Не говори: «Копейки и рубли!
Завязнуть в них душой – такая скука!»

Во мгле морей прекрасны корабли,
Но создаёт их строгая наука.
Молитвы и мечты живой сосуд,
Господень храм, чертог высокий Отчий,
Его внимательно расчислил зодчий.
Его сложил объединённый труд.

А что за песни спят еще в народе!
Какие силы нищета гнетёт!

Не презирай хозяйственных забот, –
Они ведут к восторгу и к свободе.

«Тяжёлый и разящий молот...»

Тяжёлый и разящий молот
На ветхий опустился дом.

Надменный свод его расколот,
И разрушенье, словно гром.
Все норы самовластных тайн
Раскрыл ликующий поток,
И если есть меж нами Каин,
Бессилен он и одинок.
И если есть среди нас Иуда,
Бродящий в шорохе осин,
То и над ним всевластно чудо,
И он мучительно один.
Восторгом светлым расторгая
Змеиный ненавистный плен,
Соединенья весть благая
Создаст ограды новых стен.
В соединении – строенье,
Великий подвиг бытия.
К работе бодрой станьте, звенья
Союзов дружеских куя.
Назад зовущим дети Лота
Напомнят горькой соли столп.
Нас ждёт великая работа
И праздник озарённых толп.
И наше новое витийство,
Свободы гордость и оплот,
Не на коварное убийство,
На подвиг творческий зовёт.
Свободе ль трепетать измены?
Дракону злему время пасть.
Растают брызги мутной пены,
И только правде будет власть!
«Народ торжественно хоронит...»
Народ торжественно хоронит
Ему отдавших жизнь и кровь,
□□И снова сердце стонет,
□□И слёзы льются вновь.
Но эти слёзы сердцу милы,
Как мёд гиметских чистых сот.
□□Над тишиной могилы
□□Свобода расцветёт.
«Самый ясный праздник года...»
Самый ясный праздник года –
День, когда несёт в народ свобода
Первомайский милый цвет.
Развевающимся ало
Знаменам Интернационала
Утро года шлёт привет.
Высоко поднявши знамя,
Проходите дружными рядами
С грозным вызовом судьбе.
Разделение – лукаво.
Лишь в одном своё найдёшь ты право, –
В единеньи и борьбе.
«Разрушать гнезда не надо...»
Разрушать гнезда не надо.
Разгонять не надо стадо.
Бить, рубить, топтать и жечь, –
Это – злое вражье дело.
В ком заря любви зардела,
Тот стремится уберечь
Всё, что светлой жизни радо,
Всё, что слышит Божью речь.
Что живёт по слову Божью,
Не пятнай людскою ложью,
Дни свои трудам отдай.
Вопреки земным досадам
Сотвори цветущим садом
Голый остров Голодай.
Над смиренной русской рожью

Храм вселенский созидай.
Разрушения не надо.
Все мы, люди, Божье стадо,
Каждый сам себе хорош.
Кто нам, дерзкий, руки свяжет?
Кто уверенно нам скажет,
Что в нас правда, что в нас ложь?
В кущах созданного сада
Правду сам себе найдёшь.
«Плачет безутешная вдова...»
Плачет безутешная вдова,
Бледный лик вуалью чёрной края.
Что мои утешные слова
Для подруги павшего героя!
Для неё и той отрады нет,
Чтоб склониться тихо над могилой.
Не обряжен к смерти, не отпет,
Где-то брошен в яму, тлеет милый.
Истощатся злые времена,
Над землёй заря иная встанет,
А теперь смятенная страна
За неё погибших не вспомянет.
Как же могут бедные слова
Боль стереть о гибели героя!
Плачет безутешная вдова,
Бледный лик вуалью чёрной края.
«В лунном озарении...»
В лунном озарении,
В росном серебре
Три гадают отрока
На крутой горе.
Красный камень на руку
Положил один, –
Кровь переливается
В глубине долин.
Красный камень на руку
Положил второй, –
Пламя полыхается
В стороне родной.
Красный камень на руку
Третий положил, –
Солнце всходит ясное,
Вестник юных сил.
Странник, пробиравшийся
Ночью на восток,
Вопрошает отроков:
«Кто оставит срок?»
Отвечают отроки:
«Божий человек,
Мечут жребий ангелы,
День, и год, и век.
В землю кровь впитается,
Догорит огонь,
Колесницу вывезет
В небо светлый конь».
Баллада о высоком доме
Дух строителя немеет,
Обессиленный в подвале.
Выше ветер чище веет,
Выше лучше видны дали,
Выше, ближе к небесам.
Воплощенье верной чести,
Возводи строенье выше
На высоком, гордом месте,
От фундамента до крыши
Всё открытое ветрам.
Пыль подвалов любят мыши,
Вышина нужна орлам.

Лист, ногою смятый, тлеет
На песке, томясь в печали.
Крот на свет взглянуть не смеет,
Звёзды не ему мерцали.
Ты всходи по ступеням,
Слушай радостные вести.
Притаившись в каждой нише,
И к ликующей невесте
Приникай всё ближе, тише,
Равнодушный к голосам
Петуха, коня и мыши.
Высота нужна орлам.
Сердце к солнцу тяготееет,
Шумы жизни замолчали
Там, где небо пламенеет,
Туч расторгнувши вуали.
Посмотри в долину, – там
Флюгер маленький из жести,
К стенкам клеятся афиши,
Злость припуталася к лести,
Люди серые, как мыши,
Что-то тащат по дворам.
Восходи же выше, выше,
Высота нужна орлам.
Послание:

Поднимай, строитель, крыши
Выше, выше к облакам.
Пусть снуют во мраке мыши,
Высота нужна орлам.
Чародейная чаша
Посвящаю Анастасии Сологуб–Чеботаревской

«Нет словам переговора...»
Нет словам переговора,
Нет словам недоговора.
Крепки, лепки навсегда,
Приговоры–заклинанья
Крепче крепкого страданья,
Лепче страха и стыда.
Ты измерь, и будет мерно,
Ты поверь, и будет верно,
И окрепнешь, и пойдёшь
В путь истомный, в путь бесследный,
В путь, от века заповедный.
Всё, что ищешь, там найдёшь.
Слово крепко, слово свято,
Только знай, что нет возврата
С заповедного пути.
Коль пошёл, не возвращайся,
С тем, что любо, распрощайся, –
До конца тебе идти.
Заклинаньем обречённый,
Вещей деве обручённый,
Вдался слову ты в полон.
Не жалею о том, что было
В прежней жизни сердцу мило,
Что истаяло, как сон.
Ты просил себе сокровищ
У безжалостных чудовищ,
Заклинающих слова,
И в минуту роковую
Взяли плату дорогую,
Взяли всё, чем жизнь жива.
Не жалею о ласках милой.
Ты владеешь высшей силой,
Высшей властью облечён.

Что живым сердцам отрада,
Сердцу мёртвому не надо.
Плачь, не плачь, ты обречён.
«День и ночь измучены бедою...»
День и ночь измучены бедою;
Горе оковало бытие.
Тихо плача, стала над водою,
Засмотрелся месяц на неё.
Опустился с неба, странно красен,
Говорит ей: «Милая моя!
Путь ночной без спутницы опасен,
Хочешь или нет, но ты – моя».
Ворожа над тёмною водою,
Он унёс её за облака.
День и ночь измучены бедою,
По свету шатается тоска.
«Чародейный плат на плечи...»
Чародейный плат на плечи
Надевая, говорила:
«Ах, мои ли это речи?
Ах, моя ли это сила?
Посылает людям слово
Матерь Господа живого».
Чародейный посох в руки
Принимая, говорила:
«Ах, не я снимаю муки,
Не во мне живая сила.
Перед нами у порога
Тайно станет Матерь Бога».
Чародейный круг чертила,
Озиралась и шептала:
«Ах, моя ли это сила?
Я ль заклятия слагала?
Призовёт святые лики
Матерь Господа Владыки».
«В стране сурового изгнанья...»
В стране сурового изгнанья,
На склоне тягостного дня,
Святая сила заклинанья
Замкнула в тайный круг меня.
Кому молюся, я не знаю,
Но знаю, что услышит Тот,
Кого молитвой призываю,
Кому печаль моя цветёт.
Его мимолетающей тени,
Что исчезает, смерть поправ,
Молюся я, склонив колени
На росной ласковости трав.
И заклинанья не обманут,
Но будет то же всё, что есть,
Опять страдания предстанут,
Все муки надо перенести.
Что Тот вкусил, кто жало Змея
Навеки вырвал, надо мне,
Жестоким мукой пламенея,
Вкусить в последней тишине.
«Бога милого, крылатого...»
Бога милого, крылатого
Осторожнее зови.
Бойся пламени заклятого
Сжигающей любви.
А сойдёт путём негаданным,
В разгораньи ль ясных зорь,
Или в томном дыме ладанном, –
Покоряйся и не спорь.
Прячет лик свой под личинами,
Надевает шёлк на бронь,
И крылами лебедиными

Кроет острых крыл огонь.
Не дивися, не выводывай,
Из каких пришёл он стран,
И не всматривайся в бредовый,
Обольстительный туман.
Горе Эльзам, чутко внемлющим
Про таинственный Грааль, –
В лодке с лебедем недремлющим
Лознгрин умчится вдаль,
Вещей тайны не разгадывай,
Не срывай его личин.
Силой Божьей иль адовой,
Всё равно, он – властелин.
Пронесёт тебя над бездною,
Проведёт сквозь топь болот,
Цепь стальную, дверь железную
Алой розой рассечёт.
Упадёт с ноги сандалия,
Скажет змею: «Не ужаль!»
Из цианистого калия
Сладкий сделает миндаль.
Если скажет: «Всё я сделаю!»
Не проси лишь об одном:
Зевс, представши пред Семелою,
Опалил её огнём.
Беспокровную Дианю
Любовался Актеон,
Но, оленем став, неожиданною
Гибелью был поражён.
Пред законами суровыми
Никуда не убежим.
Бог приходит под покровами,
Лик его непостижим.
«Выди в поле полночное...»
Выди в поле полночное,
Там ты стань на урочное,
На зачатое место,
Где с тоской распрощался,
На осине качался
Молодая невеста.
Призови погубителя,
Призови оболъстителя,
И приветствуй прокуду,
И спроси у проклятого,
Небылого, незнатого,
Быть добру или худу.
Опылит тебя топотом,
Оглушит тебя шёпотом,
И покатится с поля,
Слово довеку свяжется,
Без покрова покажется
Посулённая доля.
«Назвать, вот этот цвет лиловый...»
Назвать, вот этот цвет лиловый,
□□А этот голубой.
Смотри: король и туз бубновый
□□Легли перед тобой.
Приснился тихий сумрак храма
□□И дымный фимиам.
Выходит пиковая дама,
□□Гроза всех милых дам.
И всё же погадать нам сладко
□□В мерцании лампад.
Легла червонная десятка
□□Преградой для отряд.
Именованья и гаданья –
□□Суровой Мойре дань.
Прими покорно все страданья,

□□И скорбью душу рань.
Скажи: вот этот цвет – лиловый,
□□А этот – голубой.
Истает мир, возникнет новый,
□□И в нём Она с тобой.
«Призрак ели с призраком луны...»
□□Призрак ели с призраком луны
Тихо ткут меж небом и землёю сны.
□□Призрак хаты с призраком реки,
Чуть мерцающие, зыблют огоньки.
□□А над зыбко ткущимися снами,
И над тихо зыблемыми огоньками,
□□И над призраками бедных хат
Ночь развёртывает чародейный плат,
□□Опрокидывает чёрный щит,
И о свете незакатном ворожит.
«Снова саваны надели...»
Снова саваны надели
Рощи, нивы и луга.
Надоели, надоели
Эти белые снега,
Эта мёртвая пустыня,
Эта дремлющая тишь!
Отчего ж, душа-рабыня,
Ты на волю не летишь,
К буйным волнам океана,
К шумным стогнам городов,
На размах аэроплана,
В громыханье поездов,
Или, жажду жизни здешней
Горьким ядом утоля,
В край невинный, вечно-вешний,
В Элизийские поля?
«Так же внятн мне, как прежде...»
Так же внятн мне, как прежде,
Тихий звук её часов,
Стук тоскующего сердца
В тёмном шорохе годов.
Не к земной зовут надежде
Хоры тайных голосов,
Но ясна для одноверца
Вера в правду вещей снов.
И в изорванной одежде
Он к причастию готов,
И узка, но блещет дверца
Однолюбу в край богов.
«Пришла ночная сваха...»
Пришла ночная сваха,
Невесту привела.
На ней одна рубаха,
Лицом она бела,
Да так, что слишком даже,
В щеках кровинки нет.
«Что про невесту скажешь?
Смотри, и дай ответ». –
«Да что же думать много!
Пришла, так хороша,
Не стой же у порога,
Садись, моя душа».
В глазах угроза блещет,
Рождаящая страх,
И острая трепещет
Коса в её руках.
«В камине пылания много...»
В камине пылания много,
И зыбко, как в зыбке миров.
Душа нерождённого бога
Восстала из вязких оков,

Разрушила ткани волокон.
Грозится завистливой мгле,
И русский колыхнется локон,
Чтоб свившись поникнуть в золе, –
И нет нерождённого бога,
Погасло пыланье углей,
В камине затихла тревога,
И только пред ним потеплей.
Мы радость на миг воскресили,
И вот уж она умерла,
Но дивно сгорающей силе
Да будут восторг и хвала.
Едва восприявши дыханье,
Он, бог нерождённый, погас,
Свои умертвил он желанья,
И умер покорно для нас.
«Как ярко возникает день...»
□□Как ярко возникает день,
В полях оснеженных бегущий мимо!
Какая зыбкая мелькает тень
□□От синеватых клочьев дыма!
□□Томившая в ночном бреду
□□Забята тягость утомлений,
И память вновь приводит череду
Давно не мной придуманных сравнений.
□□И сколько б на земле ни жить,
□□Но обречён я каждым утром
Всё тем же неизбежным перламутром,
Всё тою ж бирюзою ворожить.
Людей встречать таких же надо снова,
□□Каких когда-то знал Сократ,
А к вечеру от счастья земного
□□Упасть в тоске у тех же врат,
□□И, так же заломивши руки
Такую ж острую вдыхая пыль,
Опять перековать в ночные муки
□□Мгновенно-сладостную быль.
«Мне боги праведные дали...»
Мне боги праведные дали,
Сойдя с лазоревых высот,
И утомительные дали,
И мёд укрепный дольных сот.
Когда в полях томленье спело,
На нивах жизни всхожий злак,
Мне песню медленную спело
Молчанье, сеющее мак.
Когда в цветы впивались жала
Премудрых медотворных пчёл,
Серпом горящим солнце жало
Созревшие колосья зол.
Когда же солнце засыпало
На ложе облачных углей,
Меня молчанье засыпало
Цветами росными полей,
И вокруг меня ограды стали,
Прозрачней чистого стекла,
Но твёрже закалённой стали,
И только ночь сквозь них текла,
Пьяна медлительными снами,
Колыша ароматный чад.
И ночь, и я, и вместе с нами
Томились рои вешних чад.
«Туманы над Волгою милой...»
Туманы над Волгою милой
Не спорят с моею мечтой,
И всё, что блистая томило,
За мгlistую никнет чертой.
Туманы над милою Волгой

В забвении тусклых болот
Пророчат мне счастья недолгий,
Но сладостно-ясный полёт.
«Из чаш блистающих мечтания лия...»
Из чаш блистающих мечтания лия,
Качели томные подруги закачали,
От озарений в тень, из тени в свет снуя,
Колыша синевою и белым блеском стали.
По кручам выше туч проходит колея,
Высокий путь скользит над темнотою печали,
И удивляемся, – зачем же мы дрожали?
И знаю, – в полпути угасну ярко я.
По колее крутой, но верной и безгрешной,
Ушёл навеки я от суетности внешней.
Спросить я не хочу: «А эта чаша – чья?»
Я горький аромат медлительно впиваю,
Гирлянды тубероз вокруг чаши обвиваю,
Лиловые черты по яспису вия.
«Обнажённый царь страны блаженной...»
Обнажённый царь страны блаженной,
Кроткий отрок, грозный властелин,
Красотой сияя нерастленной,
Над дремотной скукою равнин,
Над податливостью влажных глин,
Над томленьем тусклым жизни пленной
Он вознёсся в славе неизменной,
Несравненный, дивный, он один.
Блещут яхонты, рубины, лалы
В диадеме на его кудрях,
Два огня горят в его очах,
И уста его, как вишни, алы.
У него в руках тяжёлый меч,
И в устах пленительная речь.
«Ты хочешь, девочка луна...»
Ты хочешь, девочка луна,
Идущая с крутого неба
Отведать горнего вина
И нашего земного хлеба.
Одежды золотая сеть
Пожаром розовым одела
Так непривыкшее гореть
Твоё медлительное тело.
Вкусив таинственную смесь
Того, что в непонятном споре
Разделено навеки здесь,
Поёшь ты в благодатном хоре.
Твой голос внятен только мне,
И, опустив глаза, я внемлю,
Как ты ласкаешь в тишине
Мечтательною песней землю.
«И это небо голубое...»
И это небо голубое,
И эта выспренная тишь!
И кажется, – дитя ночное,
К земле стремительно летишь,
И радостные взоры клонишь
На безнадёжную юдоль,
Где так мучительно застонешь,
Паденья ощутивши боль.
А всё-таки стремиться надо,
И в нетерпении дрожать.
Не могут струи водопада
Свой бег над бездной задержать,
Не может солнце стать незрячим,
Не расточать своих лучей,
Чтобы, рождённое горячим,
Всё становиться горячеей.
Порыв, стремленье, лихорадка, –

Закон рождённых солнцем сил.
Пролей же в землю без остатка
Всё, что от неба получил.
«Словно бусы, сказки нижут...»
Словно бусы, сказки нижут,
Самоцветки, ложь да ложь.
Языком клевет не слижут,
Нацепили, и несёшь.
Бубенцы к дурацкой шапке
Пришивают, ложь да ложь.
Злых репейников охапки
Накидали, не стряхнёшь.
Полетели отовсюду
Комья грязи, ложь да ложь.
Навалили камней груды,
А с дороги не свернёшь.
По болоту-бездорожью
Огоньки там, ложь да ложь, –
И барахтаешься с ложью,
Или в омут упадёшь.
«Хотя бы нам и обещали...»
Хотя бы нам и обещали
Завоевание луны,
Но все небесные скрижали
Ещё для нас запрещены,
И всё ещё безумье радо
Ковать томительные сны
Над плитами земного ада
Под гулы тусклой глубины,
И всё ещё разумной твари
Века неволи суждены
Томиться в длительном угаре
Всегда сжигаемой весны.
«Ничто не изменит...»
□□□□Ничто не изменит
□□В том мире, где водят волов,
□□Один из бурливых валов,
□□□□Когда мою лодку, разбивши, опенит.
□□□□Скляют мне лицо
□□Вороны, резвяся и грая,
□□И дети, песками играя,
□□□□Сломают мне палец и стащат кольцо.
□□□□Мне кости почище,
□□Солёная влага, домой.
□□Мой дух возвратится домой,
Истлевшему телу не нужно кладбище.
«В угрюмой, далёкой пещере...»
В угрюмой, далёкой пещере,
В заклятой молчаньем стране
Лежит уже много столетий
Поэт в зачарованном сне.
Не тлеет прекрасное тело,
Не ржавеют арфа и меч,
И ткани расшитой одежды
С холодных не падают плеч.
С тех пор, как прикрыли поэта
Тенёта волшебного сна,
Подпала зароку молчанья
Отвергшая песни страна.
И доступа нет к той пещере.
Туда и высокий орёл.
Хоть зорки крылатые очи,
А всё же пути не нашёл.
Одной только деве доступно
Из всех, кто рождён на земле,
В святую проникнуть пещеру,
Витать в очарованной мгле,
Склоняться к холодному телу,

Целуя немые уста,
Но дева та – муза поэта,
Зажжённая в небе мечта.
Она и меня посещала
Порою в ночной тишине,
И был о заклятом поэте
Шептала доверчиво мне.
Не раз прерывался слезами
Её простодушный рассказ,
И вещее слово расслышать
Мешали мне слёзы не раз.
Покинуть меня торопилась, –
Опять бы с поэтом побыть,
Глядеть на спокойные руки,
Дыханием арфу будить.
Прощаясь со мною, тревожно
Она вопрошала меня:
«Ты знаешь ли, скоро ли вспыхнет
Заря незакатного дня?
Ах, если бы с росною розой
Могла я сегодня принести
Печалью пленённому другу
Зарёй осиянную весть»
Он знает: сменяются годы,
Столетия пыльно бегут,
А люди блуждают во мраке,
И дня беззакатного ждут.
Дождутся ль? Светло торжествуя,
Проснётся ли милый поэт?
Иль к вечно-цветущему раю
Пути воделенного нет?
«Я вышел из потайной двери...»
Я вышел из потайной двери,
И нет возврата в милый рай.
Изнемогай, но в ясной вере,
Душа, томительно сгорай.
В кипенье тёмного потока,
Бегущего с горы крутой,
Рукою беспощадной Рока
Заброшен ключ мой золотой.
У первозданных стен Эдема
В пустыне безнадежных дней
Что мне осталось? Диадема
Из опаляющих огней,
И мантия пророка, – тяжело
На плечи давит мне она, –
И скрытая в одежде фляжка
С вином, где дремлет тишина,
И что ещё? Воспоминанья,
О днях любви, когда и я
Испытывай очарованья
И осиянность бытия.
И вот один у тайной двери,
Как пригвозждённый раб, стою,
Безумству моему и вере
Смятенный дух мой предаю.
Свирель. Русские бержереты
Посвящаю Анастасии Сологуб–Чеботаревской

«Амур – застенчивое чадо...»
Амур – застенчивое чадо.
Суровость дня него страшна.
Ему свободы сладкой надо.
Откроет к сердцу путь она.
Когда ничто не угрожает,
Как он играет, как он рад!
Но чуть заспорь с ним, улетает

И не воротится назад.
И как ни плачь, и как ни смейся,
Уже его не приманить.
Не свяжешь снова, как ни бейся,
Однажды порванную нить.
Поймите, милые, что надо
Лелеять нежную любовь.
Амур – застенчивое чадо.
К чему нахмуренная бровь?
«Бойся, дочка, стрел Амура...»
«Бойся, дочка, стрел Амура.
Эти стрелы жал больней.
Он увидит, – ходит дура,
Метит прямо в сердце ей.
Умных девушек не тронет,
далеко их обойдёт,
Только глупых в сети гонит
И к гибели влечёт».
Лиза к матери прижалась,
Слёзы в три ручья лия,
И, краснея, ей призналась:
«Мама, мама, дура я!
Утром в роще повстречала
Я крылатого стрелка
И в испуге побежала
От него, как лань легка.
Поздно он меня заметил,
И уж как он ни летел,
В сердце мне он не уметил
Ни одной из острых стрел,
И когда к моей ограде
Прибежала я, стенья,
Он махнул крылом в досаде
И умчался от меня».
«Цветков благоуханье...»
Цветков благоуханье,
И птичье щебетанье,
И ручейков журчанье, –
Всё нам волнует кровь,
И сказывает сказки
Про радостные ласки,
Про сладкую любовь.
Прекрасна, как цветочек,
Легка, как мотылёчек.
Иди ко мне в лесочек,
Иди ко мне смелей.
Чего тебе бояться?
Не долго улыбаться
Весне в тени ветвей.
Поспешно мчатся Оры.
И дни, и ночи скоры.
Замолкнут птичьи хоры,
Всё милое пройдёт.
Настанет час истомный,
Увянет ландыш скромный,
фиалка отцветёт.
К чему терять мгновенья
На ложные сомненья,
На скуку размышленья?
Целуй меня, целуй!
Любви отдайся нежной
И ласке безмятежной
У этих звучных струй.
«Вижу, дочь, ты нынче летом...»
«Вижу, дочь, ты нынче летом
От колена без ума,
Но подумай-ка об этом,
что тебе сулит зима.

У Амура стрелы метки,
Но ещё грозит беда:
Был же аист у соседки,
Не попал бы и сюда». –
«Мама, я не унываю.
Чтобы ту беду избыть,
Я простое средство знаю:
Надо аиста убить.
Что же мне тужить о ране!
Как она ни тяжела,
У Амура есть в колчане
И на аиста стрела».
«Румяным утром Лиза, весела...»
Румяным утром Лиза, весела,
Проснувшись рано, в лес одна пошла.
Услышав пенье пташек по кустам,
Искала гнёзд она и здесь и там,
И что же взор прекрасной подстерёг?
То был Амур, любви крылатый бог.
Она дрожит, в огне жестоком кровь,
Лицо горит, и к сердцу льнёт любовь.
Корсаж Амуру сделавши тюрьмой,
Она несёт его к себе домой,
И говорит отцу, едва дыша:
«Смотри, отец, как птичка хороша!»
Ждала улыбки Лиза от отца.
Отец ворчит: «Узнал я молодца!»
Амуру крылья вмиг обрезал он,
И в клетке бог, – попался в злой полон.
«Скоро крылья отрастут...»
Скоро крылья отрастут
У пленённого Амура,
И фиалки зацветут
В сладких песнях трубадура.
Прутьев клетки не разбить
Соловью иль робкой кенке,
Но Амура полонить
Разве могут эти стенки?
Ах, придёт, придёт весна,
Засмеются гибко ветки,
И, проснувшийся от сна,
Улетит Амур из клетки.
«Весна сияла ясно...»
Весна сияла ясно.
Фиалка расцвела.
Филис, легка, прекрасна,
Гулять в поля пришла.
И думает фиалка:
«О дева, ты – весна,
И как мне, бедной, жалко,
Что слишком я скромна!
Увы! Мой венчик малый
Что даст её мечте?
Цвести бы розой алой
На пышном мне кусте.
Она меня взяла бы,
Мой аромат вдохнуть,
И я тогда могла бы
К её груди прильнуть».
Фиалкиным мечтаньям
Не внимлешь ты, весна.
Иным очарованьем
Филис упоена.
Мечтает о филене.
Филен сюда придёт,
И о любовном плене
Ей песенку споёт.
Она ступила белой

И лёгкою ногой,
Ещё незагорелой,
На цветик полевой.
На травке увядает
Помятый стебелёк.
Фиалка умирает.
Увы! Жестокий рок!
Любовь неодолима,
Проносится, губя.
Филис проходит мимо,
Мечтая и любя.

«За цветком цветёт цветок...»
За цветком цветёт цветок
Для чего в тени дубравной?
Видишь, ходит пастушок.
Он в венке такой забавный.
А зачем, скажи, лужок?
На лужке в начале мая
Ходит милый пастушок,
Звонко на рожке играя.
Для чего растёт лесок?
Мы в леску играем в прятки.
Там гуляет пастушок.
С пастушком беседы сладки.
А песочный бережок?
Он для отдыха годится.
Там гуляет пастушок,
В воды светлые глядится.
А прозрачный ручеек?
Хорошо в ручье купаться.
Близко ходит пастушок,
Хочет милую дожждаться.

«Скупа Филис, но пыл мятежный...»
Скупа Филис, но пыл мятежный
Сильвандру надо утолить.
Баранов тридцать деве нежной
Он дал, чтоб поцелуй купить.
Наутро согласилась рано,
И к пастушку щедрей была, –
Лобзаний тридцать за барана
Пастушка милому дала.
День ото дня Филис нежнее,
Боится, – пастушок уйдёт.
Баранов тридцать, не жалея,
За поцелуй ему даёт.
Потом Филис умней не стала,
И всех баранов и собак
На поцелуи променяла,
А он целует Лизу так.

«В лугу паслись барашки...»
В лугу паслись барашки.
Чуть веял ветерок.
Филис рвала ромашки,
Плела из них венки.

□□Сильвандра
□□Она ждала.
□□Филис Сильвандру,
□□Сильвандру
□□Венок плела.

А в роще недалёкой
Сильвандр один гулял.
Для Лизы черноокой
Фиалки он собирал.

□□Сильвандра
□□Филис ждала.
□□Она Сильвандру,
□□Сильвандру
□□Венок плела.

Вдруг видит, – Лиза входит
Украдкой в лесок.
Её к ручью выводит
Коварный пастушок.
□□Сильвандра
□□Филис ждала.
□□Филис Сильвандру,
□□Сильвандру
□□Венок плела.
Таясь в кустах ревниво,
Увидела она,
Как Лиза шаловлива
И как она нежна.
□□Сильвандра
□□Филис ждала.
□□Она Сильвандру,
□□Сильвандру
□□Венок плела.
К траве склонившись низко,
И плачет, и дрожит,
Но утешенье близко, –
К Филис Филен бежит.
□□Сильвандра
□□Она ждала.
□□Она Сильвандру,
□□Сильвандру
□□Венок плела.
«Филис, к чему же слёзы? –
Ей говорит Филен. –
В любви не только розы,
Бояться ли измен?»
□□Сильвандра
□□Филис ждала.
□□Но не Сильвандру,
□□Филену
□□Венок дала.
«Нет, я тому не верю, что шепчет мне Колен...»
Нет, я тому не верю, что шепчет мне Колен,
Как радостен для сердца любовный милый плен.
□□Перед Клименой отчего же
□□□Климен в слезах,
□□И вечно всё одно и то же,
□□□То ох, то ах!
О нет, я не поверю, как ни шепчи Колен,
Что сладостен для сердца любовный нежный плен.
□□Тогда зачем же все моленья
□□□У милых ног,
□□И столько горести, томленья,
□□□Тоски, тревог?
О нет, о нет, не верю, как ни шепчи, Колен,
Что для сердец отраден любовный хмельный плен!
«Как мне с Коленом быть, скажи, скажи мне, мама...»
Как мне с Коленом быть, скажи, скажи мне, мама.
О прелестях любви он шепчет мне упрямо.
□□Колен всегда такой забавный,
□□Так много песен знает он.
□□У нас в селе он самый славный,
□□И знаешь, он в меня влюблён,
И про любовь свою он шепчет мне упрямо.
Что мне сказать ему, ах, посоветуй, мама!
□□Меня встречая у опушки,
□□Он поднимает свой рожок,
□□И кукованию кукушки
□□Он вторит, милый пастушок.
Он про любовь свою всё шепчет мне упрямо...
Но что же делать с ним, скажи мне, мама.
□□Он говорит: «Люби Колена.
□□Душа влюблённая ясна,

□□А время тает, словно пена,
□□И быстро пролетит весна».
Всё про любовь свою он шепчет мне упрямо.
Что мне сказать ему, ах, посоветуй, мама!
□□Он говорит: «Любви утехам
□□Пришла пора. Спеши любить,
□□И бойся беззаботным смехом
□□Мне сердце томное разбить».
Люблю ли я его, – меня он спросит прямо.
Тогда что делать с ним, скажи, скажи мне, мама.
«В лес пришла пастушка...»
□□В лес пришла пастушка,
□□Говорит кукушке:
 «Погадай, кукушка,
□□Сколько лет пастушке
□□Суждено прожить?»
Кукушка кукует: раз, два, три, четыре, пять, шесть, –
Кукует, кукует так долго, что Лизе не счесть.
□□И, смеясь, пастушка
□□Говорит с кукушкой:
 «Что же ты, кукушка?
□□Неужель старушкой
□□Весело мне быть!»
Кукушка кукует: раз, два, три, четыре, пять, шесть, –
Кукует, кукует так долго, что Лизе не счесть.
□□Вздумала пастушка
□□Так спросить кукушку:
 «Погадай, кукушка,
□□Сколько лет пастушку
□□Будет друг любить?»
Кукушка кукунула раз, и молчит, и молчит,
А Лиза смеётся: «Так что же, хоть год!» – говорит.
«Небо рдеет...»
□□Небо рдеет.
□□Тихо веет
Тёплый ветерок.
□□Близ опушки
□□Без пастушки
Милый пастушок.
□□Где ж подружка?
□□Ах, пастушка
Близко, за леском,
□□Вдоль канавки
□□В мягкой травке
Бродит босиком,
□□И овечки
□□Возле речки
Дремлют на лужку.
□□Знаю, Лиза
□□Из каприза
Не идёт к дружку.
□□Вот решился
□□И спустился
К быстрой речке он.
□□Ищет тени,
□□По колени
В струи погружён.
□□Еле дышит
□□Лиза, – слышит
Звучный лепет струй.
□□Друг подкрался,
□□И раздался
Нежный поцелуй.
□□Славить радость,
□□Ласки сладость,
Где найду слова?
□□До заката
□□Вся измята

Мягкая трава.

«Не пойду я в лес гулять одна...»

Не пойду я в лес гулять одна, –
Тень лесная мне теперь страшна.

□□ Накануне повстречалась
□□ Там я с милым пастушком,
□□ Но лишь только обменялась
□□ С ним приветливым словцом,
□□ Уже он меня лобзает
□□ В щёки, в губы и в плечо,
□□ И о чём-то умоляет,
□□ Что-то шепчет горячо.

Не пойду я больше в лес одна, –
Мне страшна лесная тишина.

□□ Поняла, о чём он стонет,
□□ Что стремится он найти,
□□ И к чему он речи клонит.
□□ Как мне честь мою спасти?
□□ Уж смыкаются объятья,
□□ В бездну жуткую влача.
□□ Развязался пояс платья,
□□ Лямка падает с плеча.

Нет, уж не пойду я в лес одна, –
Мне лесная тишина страшна.

□□ Так бы я совсем пропала,
□□ Но на счастье моё
□□ В том лесу филис гуляла.
□□ Мы увидели её,
□□ И в смущеньи, и в испуге
□□ Он умчался как стрела.
□□ Побежала я к подруге:

«Хорошо, что ты пришла!»

Не пойду вперёд я в лес одна, –
Мне страшна лесная тишина.

«Не знают дети...»

Не знают дети,
Зачем весна,
Какие сети
Плетёт она.

И я не знала,
Зачем весна,
И я срывала
Цветы одна.

Но наступила
Моя весна
И разбудила
Меня от сна.

О чём, какою, –
Скажи, весна, –
Душа тоскою
Упоена?

О чём мечтаю?
Скажи, весна.

В кого, не-знаю,
Я влюблена.

Ручей струится, –
Тобой, весна,
Он веселится,
Согрет до дна.

Иду я в воды
К тебе, весна,
И речь природы
Мне вдруг ясна.

Люблю филена, –
Узнай, весна!

Мои колена
Ласкай, волна!

«Солнце в тучу село...»

Солнце в тучу село, –
Завтра будет дождь.
Но пойду я смело
Под навесы рощ.
Стану для забавы
У седой ольхи,
Где посуше травы
И помягче мхи.
Хорошо, что дождик
Вымочит весь луг, –
Раньше или позже
К роще выйдет друг.
«Солнце от востока...»
Солнце от востока
Зажигает в росах
Травных огоньки.
Друг мой одиноко,
Опершись на посох,
Дремлет у реки.
В утренней прохладе
Мягко тонут звуки
Бега моего.
Подбегу я сзади,
Положу я руки
На глаза его,
И ему шепну я
На ухо: «Не мешкай,
Угадай, кто я!»
Руки мне целуя,
Скажет он с усмешкой:
«Ты – Филис моя!»
«Не дождь алмазный выпал...»
Не дождь алмазный выпал, –
То радугу рассыпал
Весёлый Май в росу.
Вдыхая воздух чистый,
Я по траве росистой
Мечты мои несусь.
Я – не с высоких башен.
Моим ногам не страшен
Твой холодок, роса.
Не нужны мне рубины, –
Фиалками долины
Осыпана коса.
Не пышные, простые,
Цветочки полевые,
Но все они в росе,
Как бриллианты, блещут,
Сияют и трепещут
В густой моей косе.
«Соловей...»
□□Соловей
□□Средь ветвей
Для подружки трели мечет,
□□И ручей
□□Меж камней
Ворожит, журчит, лепечет.
□□Не до сна!
□□Ах! весна
И любовь так сладко ранят.
□□Тишина
□□И луна
Лизу в рощу к другу манят.
□□Мама спит, –
□□И спешит
Лиза выскочить в окошко,
□□И бежит,
□□И шуршит,

И шуршит песком дорожка.

□□У ручья

□□Соловья

Слушай, милому внимая.

«Жизнь моя!» –

«Я – твоя!»

О, любовь в начале мая!

«Дождик, дождик, перестань...»

Дождик, дождик, перестань,

По ветвям не барабань,

От меня не засти света.

Надо мне бежать леском,

Повидаться с пастушком, –

Я же так легко одета.

Пробежать бы мне лесок, –

Близко ходит мой дружок,

Слышу я, – кричит барашек.

Уж давно дружок мой ждёт,

И меня он проведёт

Обсушиться в свой шалашик.

И тогда уж, дождик, лей,

лей, дождинок не жалея, –

Посидеть я с милым рада.

С милым рай и в шалаше.

Свежий хлеб, вода в ковше, –

Так чего же больше надо!

«Посмотри, какие башмачки!..»

Посмотри, какие башмачки!

Как удобно в них ходить и ловко!

Высоки и тонки каблучки!

Разве же не славная обновка?

Чтоб совсем была нарядна я

и тебе понравилась, дружочек,

Набери цветочков у ручья,

Подари мне свеженький веночек.

А когда журчащий ручеёк

Перед нами на дорогу прянет,

Башмачки сниму я, а веночек

Сохраню, пока он не завянет.

«Ах, лягушки по дорожке...»

Ах, лягушки по дорожке

Скачут, вытянувши ножки.

Как пастушке с ними быть?

Как бежать под влажной мглою,

чтобы голою ногою

на лягушку не ступить?

Хоть лягушки ей не жалко, –

ведь лягушка – не фиалка, –

но, услышав скользкий хруст

и упав неосторожно,

расцарапать руки можно

о песок или о куст.

Сердце милую торопит,

и в мечтах боязни топит,

и вперёд её влечёт.

Пусть лягушки по дорожке

скачут, вытянувши ножки, –

милый друг у речки ждёт.

«Погляди на незабудки...»

Погляди на незабудки,

милый друг, и не забудь

нежной песни, звучной дудки,

вздохов, нам теснивших грудь.

Не забудь, как безмятежно

улыбался нам Апрель,

как зарёй запела нежно

в первый раз твоя свирель.

Не забудь о сказках новых,

что нашёптывал нам Май,
и от уст моих вишнёвых
Алых уст не отнимай.
И, когда на дно оврага
убежишь от зноя ты,
Где накопленная влага
Поит травы и цветы,
Там зашепчут незабудки:
«Не забудь её любви!»
Ты тростник для новой дудки,
Подзывать меня, сорви.
«Лизу милый друг спросил...»
Лизу милый друг спросил:
«Лиза, не было ль оплошки?
Не сеньор ли проходил
По песочной той дорожке?
Не сеньор ли подарил
И цепочку, и серёжки?»
Говорит она: «Колен,
Мой ревнивец, как не стыдно!
Отдала я сердце в плен,
Да ошиблася я, видно.
Ты приносишь мне взамен
То, что слышать мне обидно.
Ревность друга победить
Знаю я простое средство.
Уж скажу я, так и быть:
Старой бабушки наследство
Не даёт мне мать носить.
Это, видишь ли, кокетство.
И надела я тайком
И цепочку, и серёжки,
Чтоб с тобой, моим дружком,
По песочной той дорожке
Тихим, тёплым вечерком
Прогуляться без оплошки.
Не люблю сеньоров я,
Их подарков мне не надо.
Рвать цветочки у ручья,
Днём пасти отцово стадо,
Ночью слушать соловья, –
Вот и вся моя отрада.
На твоих кудрях венки,
У тебя сияют взоры,
Твой пленительный рожок
Будит в рощах птичьи хоры,
Я люблю тебя, дружок, –
Так на что мне все сеньоры!»
«За кустами шорох слышен...»
За кустами шорох слышен.
Вышел на берег сеньор.
Губы Лизы краше вишен,
Дня светлее Лизин взор.
Поклонилась Лиза низко
И, потупившись, молчит,
А сеньор подходит близко
И пастушке говорит:
«Вижу я, стоит здесь лодка.
Ты умеешь ли гребсти?
Можешь в лодочке, красотка,
Ты меня перевезти?» –
«С позволенья вашей чести,
Я гребсти обучена».
И в ладью садятся вместе,
Он к рулю, к веслу она.
«Хороша, скажу без лести.
Как зовут тебя, мой свет?» –
«С позволенья вашей чести,

Имя мне – Елизабет». –
«Имя славное, без лести.
Кем же взято сердце в плен?» –
«С позволенья вашей чести,
Милый мой – пастух Колен». –
«Где же он? Ушёл к невесте?
Знать, ему ты не нужна». –
«С позволенья вашей чести,
Я – Коленова жена».
Стукнул он о дно ботфортом,
Слышно звяканье шпор.
Наклонившись над бортом,
Призадумался сеньор.
«С позволенья вашей чести,
Я осмелюсь спросить,
Мы причалим в этом месте.
Или дальше надо плыть?» –
«Погулять с тобой приятно,
Но уж вижу – ты верна,
Так вези ж меня обратно
Ты, Коленова жена».
И, прощаясь, лобзает
Лизу прямо в губы он,
И, смеясь, опускает
За её корсаж дублон.
«Тирсис под сенью ив...»
□□Тирсис под сенью ив
□□Мечтает о Нанетте,
□□И, голову склонив,
□□Выводит на мюзетте:
«Любовью я, – тра, та, там, та, – томлюсь,
К могиле я, – тра, та, там, та, – клонюсь».
□□И эхо меж кустов,
□□Внимая воплям горя.
□□Не изменяет слов,
□□Напевам томным вторя:
«Любовью я, – тра, та, там, та, – томлюсь,
К могиле я, – тра, та, там, та, – клонюсь».
□□И верный пёс у ног
□□Чувствителен к напасти,
□□И вторит, сколько мог
□□Усвоить грубой пасти:
«Любовью я, – тра, та, там, та, – томлюсь,
К могиле я, – тра, та, там, та, – клонюсь».
□□Овечки собрались, –
□□Ах, нежные сердечки! –
□□И вторить принялись,
□□Как могут петь овечки:
«Любовью я, – тра, та, там, та, – томлюсь,
К могиле я, – тра, та, там, та, – клонюсь».
□□Едва от грусти жив
□□Тирсис. Где ты, Нанетта?
□□Внимайте, кущи ив!
□□Играй, взывай, мюзетта:
«Любовью я, – тра, та, там, та, – томлюсь,
К могиле я, – тра, та, там, та, – клонюсь».
Костёр дорожный
Внешний круг
Царица левкой
Левкой благоухала нежно
Под стрекотание стрекоз
И улыбалась безмятежно
Дыханию усталых роз.
И всё, что вокруг неё дышало,
Вкушая сладостный покой,
Хвалой согласною венчало
Благоуханную левкой.
И уж не ты, о роза мая,

Тогда царицею была,
Когда, зарницами пылая,
С востока поднималась мгла.
Пускай пылающие бои
Затмят высокую лазурь,
Но в безмятежности Левкой
Победа над безумством бурь.
Перекрёсток
Не знаю почему, опять влечёт меня
□□На тот же перекрёсток.
Иду задумчиво, и шум разгульный дня
□□Мне скучен так и жёсток.
Потрясена душа стремительной тоской,
□□Тревогой суетливой,
И, как зловещий гром, грохочет надо мной
□□Шум гулкий и гулливый.
Несётся предо мной, как зыбкая волна,
□□Толпа, толпу сменяя,
Тревожа душу мне, но обаянье сна
□□От сердца не сгоняя.
Очарователь сон потупленный мой взор
□□Волшебствами туманит,
И душу манит в даль, в пленительный простор,
□□И сердце сладко ранит.
Но что мне грезится и что меня томит,
□□Рождаясь, умирает, –
С безбрежной вечностью печальный сон мой слит,
□□А жизнь его не знает.
И вот очнулся я и вижу, что стою
□□На месте первой встречи,
Стараюсь выразить всю грусть, всю скорбь мою,
□□Кипят на сердце речи, –
Но нет её нигде, и я стою один
□□В растерянности странной,
Как будто не пришёл мой жданный властелин
□□Иль спутник постоянный.
Как звезда
Видишь, милое дитя,
Как звезда горит над нами,
Между мелких звёзд блестя
Разноцветными огнями?
Пусть бы жизнь твоя была,
Как звезда небес далёких,
Разноцветна и светла
Светом радостей высоких,
И осталась бы чиста,
Как звезда, краса ночная,
Гордых мыслей красота,
Не тускнея, не сгорая.
Дачные мальчики
Босые, в одежде короткой,
Два дачные мальчика шли
С улыбкою милой и кроткой,
Но злой разговор завели.
«Суровских не видно здесь лавок.
Жуков удалось наловить,
Боюсь, не достанет булавок,
А папу забыл попросить». –
«Хотел бы поймать я кукушку
И сделать кукушкин скелет,
А то подарили мне пушку,
Скелета же птичьего нет». –
«Да, сделать приятно скелетик,
Да пушкою птиц не набьёшь.
Мне тетя сказала: „Букетик
Цветов полевых принесёшь“». –
«Ну что же, нарвём для забавы,
Хоть это немножко смешно». –

«Смотри-ка, вон там, у канавы,
Вон там, полее, пятно». –
«Вон скачет какая-то птица». –
«О, птица! А как её звать?
Сорока?» – «Ворона!» – «Синица!» –
И стали камнями швырять.

Похожий на меня
Ты не весел и не болен,
Ты такой же, как и я,
Кем-то грубо обездолен
В дикой схватке бытия.
У тебя такие ж руки,
Как у самых нежных дам,
Ими ты мешаешь муки
С лёгкой шуткой пополам.
У тебя такие ж ноги,
Как у ангелов святых, –
Ты на жёсткие дороги,
Не жалея, гонишь их.
У тебя глаза такие ж,
Как у тех, кто ценит миг, –
Ты их мглой вечерней выешь
Над печатью старых книг.
Всем гетерам были б сладки
В тихий час твои уста,
Но темней ночной загадки
Их немая красота.
Ты не весел, не печален,
Ты, похожий на меня,
Тою ж тихую ужален
В разгорании огня.

Беседка

Музыка мирно настроила
Нервы на праздничный лад.
Душу мою успокоила
Тень, обласкавшая сад.
Нет никого здесь. Беседкою
Старые липы сошлись,
Гибкою, зыбкою сеткою
Длинные ветки сплелись.
Там, за полями зелёными,
Алая пышет заря.
Музыка стройными стонами
Льётся, зарёю горя.
Знаю, чьи руки проворные
Звонкую будят рояль.
Знаю, чьи очи покорные
Смотрят мечтательно вдаль.
Знаю, чьи ноги поспешные
Скоро в мой сад прибегут,
Чьи поцелуи утешные
Губы мои обожгут,
Чьё молодое дыхание
Радость мою возродит.
Сладкой тоской ожидания
Чуткое сердце болит.

Роза и дева

В томно нагретой теплице
Алая роза цветёт;
Рядом, в высокой светлице
Юная дева живёт.
Роза, как дева-соседка,
Никнет, грустна и больна;
Юная дева нередко
Плачет, оставшись одна.
Розе мечтается поле,
Солнце, сияющий луг,
Деве – лазурная воля,

Счастье и любящий друг.
Роза сквозь окна теплицы
Видит простой василёк,
А под окошком девицы
Бедный поёт пастушок.
Краше цветков ароматных
Розе цветков полевой,
Лучше блестящих и знатных
Деве красавец босой.
Хозяйственные заботы
Не презирай хозяйственных забот,
Люби труды серпа в просторе нивы,
И пыль под колесом, и скрип ворот,
И благостные кооперативы.
Не говори: «Копейки да рубли!
Завязнуть в них душой – такая скука!»
Во мгле морей прекрасны корабли,
Но создаёт их строгая наука.
Молитвы и мечты живой сосуд,
Господень храм, чертог высокий Отчий,
Его внимательно расчислил зодчий.
Его сложил объединённый труд.
А что за песни спят еще в народе!
Какие силы нищета гнетёт!
Не презирай хозяйственных забот, –
Они ведут к восторгу и к свободе.
Не разрушай
Разрушать гнезда не надо.
Разгонять не надо стадо.
Бить, рубить, топтать и жечь, –
Это – злое вражье дело.
В ком заря любви зардела,
Тот стремится уберечь
Всё, что светлой жизни радо,
Всё, что слышит Божью речь.
Что живёт по слову Божью,
Не пятнай людскою ложью,
Дни свои трудам отдай.
Вопреки земным досадам
Сотвори цветущим садом
Голый остров Голодай.
Над смиренной русской рожью
Храм вселенский созидай.
Разрушения не надо.
Все мы, люди, Божье стадо,
Каждый сам себе хорош.
Кто нам, дерзкий, руки свяжет?
Кто уверенно нам скажет,
Что в нас правда, что в нас ложь?
В кущах созданного сада
Правду сам себе найдёшь.
Взлетающим
Хотя б вы нам и обещали
Завоевание луны,
Но всё ещё небес скрижали
Дня ваших крыл запрещены,
И всё ещё безумство радо
Ковать томительные сны
Над плитами земного ада
Под гулы тусклой глубины.
И всё ещё разумной твари
Века неволи суждены –
Томиться в длительном угаре
Всегда сжигаемой весны.
Додо
Бедная птица Додо!
Где ты построишь гнездо?
Было уютно в гнёздышке старом, –

Сгублена роща ярим пожаром.
Птенчиков огненный шквал
Горькой золой заметал.
Весело было в гнёздышке милом, –
Стала вся роща полем унылым.
Будет над рощей летать
И без конца тосковать
Бедная птичка! Только ль привычка –
Каждое утро писк-перекличка?
Плачет росю туман,
Сердце багряно от ран,
И под золою, пыль доедая,
Бегают искры, стая живая.
Бедная птица Додо!
Где же совьёшь ты гнездо?
Певице
О. Н. Бутомо-Названовой

О, если б в наши дни гоненья,
Во дни запечатлённых слов
Мы не слышали песнопенья
И мусикийских голосов, –
Как мы могли бы эту муку
Безумной жизни перенести!
Но звону струн, но песен звуку
Ещё простор и воля есть.
О, вдохновенная певица,
Зажги огни и сладко пой,
Чтоб песня реяла, как птица,
Над очарованной толпой,
А я прославлю звук звенящий,
Огонь ланит, и гордый взор,
И песенный размах, манящий
На русский сладостный простор!
Я любила
«Я любила, я любила,
Потому и умерла!»
Как заспорить с любой милой,
Как сказать: «С ума сошла!»
«Мне покойно в белом гробе.
Хорошо, что здесь цветы.
Погребенья час не пробил,
И ещё со мною ты.
Всё минувшее бесследно.
Я – совсем уже не та.
Но не бойся любви бледной,
Поцелуй мои уста.
Были пламенны и алы,
Вот, – недвижны и бледны.
Милый, пей их нежный холод,
Снова тки, как прежде, сны.
Не хочу, чтоб скоро умер, –
Мне одной пускаться в путь,
Без тебя в прохладном доме
Хоть немного отдохнуть.
Я любила, я любила,
Оттого и умерла!»
Как заспорить с любой милой,
Как сказать: «С ума сошла!»
Здесь не гроб, а только койка,
Не кладбище, жёлтый дом».
Вдруг запела: «Гайда, тройка!
Снег пушистый, мы вдвоём».
Иоанн Грозный
Сжигаемый пламенной страстью,
Мечтатель, творец и тиран,
Играя безмерною властью,
Царил на Руси Иоанн.

Он крепко слился поцелуем
С тобой, проливающей кровь,
Тобой он был пьяно волнуем,
О жизнь! О безумство-любовь!
Он смертных покоев не ведал,
Он знал только прелести мук
И жертвам терзаемым не дал
Отрады покойных разлук.
Чтоб мёртвых тревожить, синодик
Кровавая память вела,
Стремя его вечно к свободе,
К азийской несдержности зла.
А просто, – он был неврастеник,
Один из душевных больных.
В беспутной глуши деревенок
Таится немало таких.
Навеки тёмный
Кто-то, чёрный и покорный, кнопку повернул,
И хрусталь звенящим блеском встретил зыбкий гул.
Здесь когда-то, кто-то ясно пировал,
И когда-то, кто-то сердце заковал.
Лёгкая русалка заглянула к ним в окно, –
Кто-то вздрогнул и подумал: «Всё равно».
И отвёл глаза от заоконной темноты,
И смотрел, навеки тёмный, на вино и на цветы.
Астероид
В путях надмарсовых стремлюсь вокруг солнца я,
Земле неведомый и тёмный астероид.
Расплавленный металл – живая кровь моя,
□□И плоть моя – трепещущий коллоид.
Прикинуть не могу к тебе, земной двойник,
Отвеян в пустоту дыханием Дракона.
Лишь издали гляжу на солнцев светлый лик,
□□И недоступно мне земное лоно.
Завидую тебе: ты волен, слабый друг,
Менять свои пути, хотя и в малом круге,
А мой удел – чертить всё тот же вечный круг
□□Всё в той же бесконечно-скучной вьюге.
Путь
Пернатая стрела
Для тебя, ликующего феба,
Ясны начертанья звёздных рун.
Светлый бог! Ты знаешь тайны неба,
Движешь солнцы солнц и луны лун.
Что тебе вся жизнь и всё томленье
На одной из зыблемых земель!
Но и мне ты даришь вдохновенье.
Завиваешь вакхов буйный хмель,
И мечтой нетленной озлатило
Пыльный прах на медленных путях
Солнце, лучезарное светило.
Искра ясная в твоих кудрях.
От тебя, стремительного бога,
Убегают, тая, силы зла,
И твоя горит во мне тревога.
Я – твоя пернатая стрела.
Мне ты, феб, какую цель наметил,
Как мне знать, и как мне разгадать!
Но тобою быстрый лёт мой светел,
И не мне от страха трепетать.
Пронесусь над косными путями.
Прозвучу, как горняя свирель,
Просияю зоркими лучами,
И вонжусь в намеченную цель.
В неоглядную даль
□□Спокойно и просто
Иду в неоглядную даль.
□□У каждого моста

Ручейно проблещет печаль.
□□Но верную сладость
Познал я в просторе дорог,
□□Где умная радость
Таится в круженьи тревог.
□□И если морока
Совьёт перелётную пыль,
□□Я с властью пророка
Подъемлю дорожный костыль.
□□Всю нечисть земную
Сберёт ли грохочущий гром,
□□Врага зачарую
Моим кипарисным крестом.
На Волге
Плыву вдоль волжских берегов.
Гляжу в мечтаньях простодушных
На бронзу яркую лесов,
Осенней прихоти послушных.
И тихо шепчет мне мечта:
«Кончая век уже недолгий,
Приди в родимые места
И догорай над милой Волгой».
И улыбаюсь я, поэт,
Мечтам сложивший много песен,
Поэт, которому весь свет
Для песнопения стал тесен.
Скиталец вечный, ныне здесь,
А завтра там, опять бездомный,
Найду ли кров себе и весь,
Где положу мой посох скромный?
По пескам пустынь
Облака плывут и тают,
Небеса горят, сияют,
Растворяют облака.
Солнце к отдыху стремится.
Ясный свет его струится,
Безнадёжный, как тоска.
Тёмный странник, в край далёкий,
В край неведомых святынь,
Прохожу я, одинокий,
По пескам немых пустынь,
И за пыльными столбами
Напряжёнными глазами
Различаю ту страну,
Где я радостно усну.
Просёлок
Вьётся предо мною
Узенький просёлок.
Я бреду с клюкою.
Тяжек путь и долог.
Весь в пыли дорожной,
Я бреду сторонкой,
Слушая тревожно
Колокольчик звонкий.
Неглушимый далью,
Гул его несётся,
Жгучею печалью
В сердце отдаётся.
Воздух полон гула,
И дрожит дорога.
Ах, хоть бы уснула
Ты, моя тревога!
Другу неведомому
О, друг мой тайный,
Приди ко мне
В мечте случайной
И в тишине.
В мою пустыню

Сойди на миг,
чтоб я святыню
Твою постиг.
В бездушном прахе
моих путей,
в тоске да в страхе
безумных дней,
в одежде пыльной
сухой тропой
иду бессильный,
едва живой.
Но весь жестокий
забуду путь,
лишь ты, далёкий,
со мной побудь,
явишь мне снова
в недолгом сне,
и только слово
промолви мне.
Судьбе послушен
к утехам равнодушен,
в толпе смирен и тих,
судьбе я всё послушен
в скитаниях моих,
и если ворон чёрный
пророчит мне беду,
предвестию покорный,
я злым путём иду,
и если злобным взором
весь день мой омрачён
иль вражьи наговором
мой след заморожен,
не смею, не умею
беду разворожить,
весёлым быть не смею,
не смею не тужить.
дар лазоревых высот
мне боги праведные дали,
сойдя с лазоревых высот,
и утомительные дали,
и мёд укрепный дольных сот.
когда в полях томленье спело,
на нивах жизни всхожий злак,
мне песню медленную спело
молчанье, сеющее мак.
когда в цветы впивалось жало
одной из медотворных пчёл,
серпом горящим солнце жало
созревшие колосья зол.
когда же солнце засыпало
на ложе облачных углей,
меня молчанье засыпало
цветами росными полей,
и вокруг меня ограды стали,
прозрачней чистого стекла,
но твёрже закалённой стали,
и только ночь сквозь них текла,
пьяна медлительными снами,
колыша ароматный чад.
и ночь, и я, и вместе с нами
мечтали рои вешних чад.
шёпот ночи
как незаметно подступила
успокоительница-ночь!
но где же все твои светила?
«я тучею заморозила
мои светила», – шепчет ночь.
одна ты радоваться хочешь

Тому, что есть, вещунья-ночь.
О чём же тьмой ты мне пророчишь?
«Ещё ты много стрел отточешь,
Ликуй, но бойся», – шепчет ночь.
Зачем и чем меня тревожишь
Ты, предвещательница-ночь?
Судеб ты изменить не можешь.
«Ты сам томления умножишь,
Но не печалься», – шепчет ночь.
Ночным вещаньям чутко внемлю
И вопрошаю снова ночь:
«Какую радость я приемлю?» –
«Свой жезл вонзи в родную землю,
Вновь расцветёт он», – шепчет ночь.
Мне вняттен твой утешный шёпот,
Тебе я верю, верю, ночь,
Но что же значит дальний топот?
«Иди спокойно. Что твой ропот?
Всё в Божьей воле», – шепчет ночь.
Ночная жалоба
Долго играла заря и смеялась,
Вся золотая, багровая, алая,
Ярым пожаром в реке отражалась, –
И побледнела, и никнет, усталая.
Чутко иду я тропинкой знакомою
Между кустами в долину глубокую,
И над рекою с тоскливой истомою
Жду я прекрасную, ночь звездооую.
Там, где журчала под утлюю лодкою
Речка, целуясь с прибрежными лозами,
Там я слюбился с красавицей кроткою,
Там я сдружился с весенними грёзами.
С неба спускается ночка желанная.
Всех усыпила, ревниво-стыдливая.
Всю её кроет одежда туманная.
Еле видна мне улыбка счастливая.
Тихо прильнула, осыпана ласками,
Круг очертила мечтами согласными,
Нежно играет прозрачными масками,
Кротко сверкает зарницами ясными.
Что же не молкнут тревоги сердечные?
Нет им забвения, нет утolenия.
Жалобы вечные и бесконечные, –
Слушай же, ночь, заунывное пение.
Знаю, заплачешь полночными росами,
Знаю, уйду от тебя опечаленный,
Теми же злыми, больными вопросами
Весь отуманенный и опечаленный.
Игра лунная
Только мы вдвоём не спали,
Я и бледная луна.
Я был тёмнен от печали,
А луна была ясна.
И луна, таясь, играя
Сказкой в зыблемой пыли,
Долго медлила у края
Тьмою дышащей земли.
Но, восторгом опьянённый,
Я взметнул мою луну
От земли, в неё влюблённой,
Высоко на крутизну.
Что порочно, что безгрешно,
Вместе всё луна сплела, –
Стала ночь моя утешна,
И печаль моя – светла.
Девочка Луна
Ты хочешь, девочка луна,
Скользкая в просторах неба

Отведать горнего вина
И нашего земного хлеба.
Одежды золотая сеть
Пожаром розовым одела
Так непривыкшее гореть
Твоё медлительное тело.
Вкусив таинственную смесь
Того, что в непонятном споре
Разделено навеки здесь,
Поёшь ты в благодатном хоре.
Твой голос внятен только мне,
И, опустив глаза, я внемлю,
Как ты ласкаешь в тишине
Мечтательною песней землю.

Челнок

В прозрачной тьме прохладный воздух дышит,
Вода кругом, но берег недалёк,
Вода челнок едва-едва колышет,
И тихо зыблет лёгкий поплавок.
Я – тот, кто рыбу ночью тихо удит
На озере, обласканном луной.
Мне дрозд поёт. С чего распелся? Будит
Его луна? Иль кто-нибудь иной?
Смотрю вокруг. Как весело! Как ясно!
И берег, и вода, – луне и мне
Всё улыбается и всё прекрасно.
Да уж и мне не спеть ли в тишине?

Звёздам

В небе звёзды ярко блещут,
Дали светом осиянны.
Мысль моя летит с тоскою
В те неведомые страны,
Где сияют эти звёзды,
Где толпы миров кружатся,
И напрасные вопросы
На душе моей рождаются:
Есть ли там такие ж люди?
Правят так же ль ими страсти?
Так же ль дики там и злобны
Бед бессмысленных напасти?

Озеро

Спокойно озеро, широко,
Как чаша полная водой,
Зарёй подернуто с востока,
Хранит пленительный покой.
Одета дымкой розоватой,
Не шелохнётся осокá,
Туманом скрыта, словно ватой,
Вдаль убежавшая река.
Прилив бодрящей, свежей сырости
Отраднó душу веселит:
Казалось, где б тревоге вырасти, –
А всё ж она томит,
Томит отравой сладко-горькой
Слезами кроет даль,
И я, любясь алой зорькой,
Сам не пойму, о чём печаль?
Хочу ль сказать я солнцу: «Брызни
В туман потоками лучей,
И жарким веянием жизни
Тишь приумолкшую обвей»?
Иль жалко мне, что обаяние
Прохлады утренней сбегит
И солнца гордого сияние
Опять мне очи утомит?
Ариадна («Где ты, моя Ариадна?..»)
Где ты, моя Ариадна?
Где твой волшебный клубок?

я в лабиринте блуждаю,
я без тебя изнемог.
Светоч мой гаснет, слабея,
Полон тревоги, стою,
И призываю на помощь
Мудрость и силу твою.
Много дорог здесь, но света
Нет и не видно пути.

Страшно и трудно в пустыне
Мраку навстречу идти.
Жертв преждевременных тени
Передо мною стоят.
Страшно зияют их раны,
Мрачно их очи горят.
Голос чудовища слышен
И заглушает их стон.
Мрака, безумного мрака
Требуется радостно он.
Где ж ты, моя Ариадна?
Где путеводная нить?
Только она мне поможет
Дверь лабиринта открыть.

Две вьюги
Две пламенные вьюги
В безумстве бытия,
То были две подруги,
Любовь и смерть моя.
Они кружились обе,
Огонь и дым вия,
В неистощимой злобе
Все правды затая.
Венцы на них сияли.
В одном венце змея
Оранжевой эмали
Вилась, в другом – струя.

Череда
По тощим нивам бытия
□□Влачатся две жены, –
□□□□Смерть впереди,
□□□□Жизнь позади.
Из них одна лишь смерть вольна,
□□А жизнь идёт рабой
□□□□За нею вслед, –
□□□□Ей воли нет.
И смерть могучею рукой
□□Ломает всё и мнёт, –
□□□□Что бросит смерть,
□□□□То жизнь берёт.

Тишина
Земным не прельщайся,
Земные надежды губи,
От жизни отвращайся,
И смерть возлюби.
Не обманет она,
В ней утешение, –
Тишина,
Забвение.

Утешающий свет
В тёмный час на иконы
Безнадёжно гляжу,
И закрыты каноны,
И молитв не твержу.
Безобразны и дики
Впечатления дня.
Бестревожные лики,
Утешайте меня!
От бесстрастного взора
Прямо в душу мою

я греха и позора
Никогда не таю.
Не от мира исходит
Утешающий свет,
И не к жизни приводит
Нерушимый завет.
Что мне мир! Он осудит
Иль хвалой оскорбит.
Тёмный путь мой пребудет
Нелюдим и сокрыт.
Предел
Горящий брат
«Над землею ты высок,
Ярок, жарок и жесток.
Солнце, брат горящий наш,
Что возьмёшь и что ты дашь?» –
«Унесу и принесу
За подарок лучший дар.
В чашу всю сберу росу,
Дам тебе живой загар.
Был ты робок, слаб и бел,
Будешь тёмнен, твёрд и смел,
Кровь смешаешь с влагой рос, –
Жаждет распятыи Христос». –
«Солнце, наш горящий брат,
Низведи Христа с креста!
У твоих лазурных врат
Наша чаша налита».
Бренное
Упрекай меня, в чём хочешь, –
Слёз моих Ты не источишь,
И в последний, грозный час
я пойду Тебе навстречу
И на смертный зов отвечу:
«Зло от Бога, не от нас!»
Он смесил с водою землю,
И смиренно я приемлю,
Как целительный нектар,
Это Божье плюновенье,
Удивительное бренье,
Дар любви и дар презренья,
Малой твари горний дар.
Этой вязкой, тёплой тины,
Этой липкой паутины
я сумел презреть полон.
Прожил жизнь я, улыбаясь,
Созерцаньям предаваясь,
Всё в мечты мои влюблён.
Мой земной состав изношен,
И куда ж он будет брошен?
Где надежды? Где любовь?
Отвратительно и гнило
Будет всё, что было мило,
Что страдало, что любило,
В чём живая билась кровь.
Что же, смейся надо мною!
я слезы Твоей не стою,
Хрупкий делатель мечты.
Только знаю, Царь Небесный,
что голгофской мукой крестной
человек страдал, не Ты.
Светлый лик
Порой гордыни дух лукавый
Своим крылом души коснётся,
и злоба мстительной отравой
в душе надменной разольётся,
и затемняется сознание
Неправды тягостною мглюю.

Но лишь одно воспоминанье
В моей душе взойдёт зарёю, –
Исчезнут вмиг, как тени ночи,
Гордины мрачной наважденья,
И снова зорки станут очи,
И снова ясны впечатленья.
И над душой моей смиренной
Тогда сияет образ ясный:
Взор, дивной мыслью вдохновенный,
Лик величавый и прекрасный,
Бедна одежда, босы ноги,
Уста с улыбкою привета.
Нельзя мне сбиться с Ним с дороги.
То – Иисус, Владыка света.

Расточитель
Измотал я безумное тело,
Расточитель дарованных благ,
И стою у ночного предела,
Изнурён, беззащитен и наг.
И прошу я у милого Бога,
Как никто никогда не просил:
«Подари мне ещё хоть немного
Для земли утомительной сил!
Огорченья земные несносны,
Непосильны земные труды,
Но зато как пленительны вёсны!
Как прохладны объятья воды!
Как пылают багряные зори!
Как мечтает жасминовый куст!
Сколько ласки в лазоревом взоре
И в лобзании радостных уст!
И ещё вожденней лобзанья,
Ароматней жасминных кустов
Благодатная сила мечтанья
И певучая сладость стихов.
У Тебя, милосердного Бога,
Много славы, и света, и сил,
Дай мне жизни земной хоть немного,
Чтоб я новые песни сложил».

Воскресни
Замолкнули праздные речи,
Молитвою строится храм,
Сияют лампы и свечи,
Восходит святой фимиам.
Возносим пасхальные песни
От слёзно-сверкающих рос.
Воскресни, воскресни,
Воскресни, Христос,
Вливаются светлые вести
В ответный ликующий стих;
К сберёгшей венец свой невесте
Нисходит небесный Жених.
Великий благовест
«Ты слышишь гром? Склонись, не смейся...»
Ты слышишь гром? Склонись, не смейся
Над неожиданной грозой,
И легковерно не надейся,
Что буря мчится стороной.
Уж демон вихрей мчится грозно,
Свинцовой тучей облачён,
И облака, что плыли розно,
К себе зовёт зарницей он.
Он налетит, гремя громами,
Он башни гордые снесёт,
Молниеносными очами
Твою лачугу он сожжёт.
«Зачем, скажи...»
□□Зачем, скажи,

В полях, возделанных прилежно,
□□ Среди колосьев ржи
Везде встречаем неизбежно
□□ Ревнивые межи?
Одно и то же солнце греет
Тебя, суровая земля,
Один и тот же труд лелеет
Твои широкие поля.
Но злая зависть учредила,
Во славу алчности и лжи,
Неодолимые межи
Везде, где ты, земля, взрастила
Хотя единый колос ржи.
«В тени аллеи прохлады...»
В тени аллеи прохлады,
Нарядны господа,
А за оградой сада
Голодная нужда.
Глядит на бойких деток
Мальчишка-водонос,
В одну из узких клеток
Решётки всунув нос.
На жёсткие каменья
Потом ему идти,
Томления терпенья
В груди своей нести.
Мучительно мне видеть
Неравенство людей
И горько ненавидеть
И взрослых и детей.
«Под остриями...»
□□ Под остриями
□□ Вражеских пик
□□ Светик убитый,
Светик убитый поник.
□□ Миленький мальчик
□□ Маленький мой,
□□ Ты не вернёшься,
Ты не вернёшься домой.
□□ Били, стреляли, –
□□ Ты не бежал,
□□ Ты на дороге,
Ты на дороге лежал.
□□ Конь офицера
□□ Вражеских сил
□□ Прямо на сердце,
Прямо на сердце ступил.
□□ Миленький мальчик
□□ Маленький мой,
□□ Ты не вернёшься,
Ты не вернёшься домой.
Соборный благовест

1

Давно в степи блуждая дикой,
Вдали от шумного жилья,
Внезапно благовест великий,
Соборный звон услышал я.
Охвачен трепетным смятеньем,
Забывши тесный мой шалаш,
Спешу к проснувшимся селеньям,
Твержу: «Товарищи, я – ваш!»
Унынье тёмное уснуло,
Оставил душу бледный страх, –
И сколько говора и гула
На перекрёстках и путях!

2

Клеветники толпою чёрной
У входа в город нам кричат:

«Вернитесь! То не звон соборный,
А возмущающий набат».
Но кто поверит лживым кликам?
Кому их злоба не ясна,
Когда в согласии великом
Встаёт родимая страна?

3

В толпе благим вещаньям внемлют.
Соборный колокол велик,
Труды бесстрашные подъяют
Его торжественный язык.
Он долго спал, над колокольней
Зловещим призраком вися,
Пока дремотой подневольной
Кругом земля дремала вся.
Свободный ветер бури дальней,
Порою мчась издалека,
Не мог разрушить сон печальный,
Колыша медные бока.
И лишь порою стон неясный
Издаст тоскующая медь,
Чтобы в дремоте безучастной
Опять бессильно онеметь.
Но час настал, запрет нарушен,
Разрушен давний тяжкий сон,
Порыву гордому послушен
Торжественно-свободный звон.

4

Слепой судьбе противореча,
Горит надеждами восток,
И праздник радостного веча,
Великий праздник, недалёк.
Он куплен кровью наших братий,
Слезами матерей омыт,
И вопль враждующих проклятий
Его победы не смутит.
«Солнце светлое восходит...»
Солнце светлое восходит,
Озаряя мглистый дол,
Где ещё безумство бродит,
Где ликует произвол.
Зыбко движутся туманы,
Сколько холода и мглы!
Полуночные обманы
Как сильны ещё и злы!
Злобы низменно-ползучей
Ополчилась шумно рать,
Чтоб зловещей, чёрной тучей
Наше солнце затмевать.
Солнце ясное, свобода!
Горячи твои лучи.
В час великого восхода
Возноси их, как мечи.
Яркий зной, как тяжкий молот,
Подними и опусти,
Побеждая мрак и холод
Заграждённого пути.
Тем, кто в длительной печали
Гордой волей изнемог,
Озари святые дали
За усталостью дорог.
Кто в объятьях сна немого
Позабыл завет любви,
Тех горящим блеском слова
К новой жизни воззови.
Швея («Нынче праздник. За стеною...»)
Нынче праздник. За стеною
Разговор весёлый смолк.

Я одна с моей иглою,
Вышиваю красный шёлк.
Все ушли мои подруги
На весёлый свет взглянуть,
Скоротать свои досуги,
Забавляясь как-нибудь.
Мне весёлости не надо.
Что мне шум и что мне свет!
В праздник вся моя отрада,
Чтоб исполнить мой обет.
Всё, что юность мне сулила,
Всё, чем жизнь меня влекла,
Всё судьба моя разбила,
Всё коварно отняла.
«Шей нарядные одежды
Для изнеженных господ!
Отвергай свои надежды!
Проклинай их злую ложь!»
И в покорности я никла,
Трепетала, словно лань,
Но зато шептать привыкла
Слово гордое: восстань!
Белым шёлком красный мечу,
И сама я в грозный бой
Знамя вынесу навстречу
Рати вражеской и злой.
Шут
Дивитесь вы моей одежде,
Смеётесь: «Что за пестрота!»
Я нисхожу к вам, как и прежде,
В святом обличи шута.
Мне закон ваш – не указка.
Смех мой – правда без границ.
Размалёванная маска
Откровенней ваших лиц.
Весь лоскутьями пестрея,
Бубенцами говоря.
Шутовской колпак честнее,
Чем корона у царя.
Иное время, и дороги
Уже не те, что были встарь,
Когда я смело шёл в чертоги,
Где ликовал надменный царь.
Теперь на сходке всенародной
Я поднимаю бубен мой,
Смеюсь пред Думою свободной,
Пляшу пред мёртвою тюрьмой.
Что, вас радуют четыре
Из святых земных свобод?
Эй, дорогу шире, шире!
Расступитесь, – шут идёт!
Острым смехом он пронизет
И владыку здешних мест,
И того, кто руку лижет,
Что писала манифест.
«Воцарился злой и маленький...»
Воцарился злой и маленький,
Он душил, губил и жег,
Но раскрылся цветик аленький,
Тихий, зыбкий огонёк.
Никнул часто он, растоптанный,
Но окрепли огоньки,
Затаился в них нашёптанный
Яд печали и тоски.
Вырос, вырос бурнопламенный,
Красным стягом веет он,
И чертог качнулся каменный,
Задрожал кровавый трон.

Как ни прячься, злой и маленький,
Для тебя спасенья нет,
Пред тобой не цветик аленький,
Пред тобою красный цвет.
«Великого смятения...»
Великого смятения
Настал заветный час.
Заря освобождения
Зажглася и для нас.
Недаром наши мстители
Восходят чередой.
Оставьте же, правители,
Губители, душители
Страны моей родной,
Усилия напрасные
Спасти отживший строй.
Знамена веют красные
Над шумною толпой,
И речи наши вольные
Угрозою горят,
И звоны колокольные
Слились в набат!
Весёлая песня
Буржуа с румяной харей,
Прочь с дороги, уходи!
Я – свободный пролетарий
С сердцем пламенным в груди.
Я терпел нужду и голод,
А тебе был всюду ход,
Но теперь твой гнёт расколот,
Мой черёд идти вперёд.
Ты себя не беспокоил
Ни заботой, ни трудом,
Но подумай, кто построил
Для тебя просторный дом!
Из кого ты жилы тянешь?
Что несёшь на биржу, а?
Так со мною ли ты станешь
Спорить, жирный буржуа?
Свет от нас давно ты застишь, –
Будет. Шкуру береги!
Отворяй нам двери настезь,
И беги себе, беги.
Запирует на просторе
Раззолоченных палат,
Позабыл бывшее горе,
Вольный пролетариат.
«Тяжёлыми одеждами...»
Тяжёлыми одеждами
Закрыв мечту мою,
Хочу я жить надеждами,
О счастье пою.
Во дни святого счастья
Возникнет над землёй
Великого безвластия
Согласный, вечный строй.
Не будет ни царящего,
Надменного меча,
Ни мстящего, разящего
Безжалостно бича.
В пыли не зашевелится
Вопрос жестокий: чьё?
И в сердце не прицелится
Безумное ружьё.
Поверженными знаками
Потешится шутя
В полях, шумящих знаками,
Весёлое дитя.

«У правительства – нагайки, пулемёты и штыки...»

У правительства – нагайки, пулемёты и штыки.

Что же могут эти средства? Так, немножко, пустяки.

А у нас иное средство, им орудуем мы ловко,

Лютый враг его боится. Это средство – забастовка.

Рядом с ловкой забастовкой очень весело идёт

Хоть и маленький, но тоже удалой и злой бойкот.

Земле

В блаженном пламени восстанья

Моей тоски не утоля,

Спешу сказать мои желанья

□□□Тебе, моя земля.

Производительница хлеба,

Разбей оковы древних меж,

И нас, детей святого неба,

Простором вольности утешь.

Дыханьем бури беспощадной,

Пожаром ярым уничтожь

Заклятья собственности жадной,

Заветов хитрых злую ложь.

Идущего за тяжким плугом

Спаси от долга и от клятв,

И озари его досугом

За торжествами братских жатв.

И засияют светлой волей

Труда и сил твои поля

Во всей безгранности раздолий

□□□Твоих, моя земля.

«День безумный, день кровавый...»

День безумный, день кровавый

Отгорел и отзвучал.

Не победой, только славой

Он героев увенчал.

Кто-то плачет, одинокий,

Над кровавой грудой тел.

Враг народа, враг жестокий

В битве снова одолел.

Издеваясь над любовью,

Хищный вскормленник могил,

Он святою братской кровью

Щедро землю напоил.

Но в ответ победным крикам

Восстаёт, могуч и яр,

В шуме пламенном и диком

Торжествующий пожар.

Грозно пламя заметалось,

Выметая, словно сор,

Всё, что дерзко возвышалось,

Что сулило нам позор.

В гневном пламени проклятья

Умирает старый мир.

Славьте, други, славьте, братья,

Разрушенья вольный пир!

Искали дочь

Печаль в груди была остра,

□□Безумна ночь, –

И мы блуждали до утра,

□□Искали дочь.

Нам запомнилась навеки

Жутких улиц тишина,

Хрупкий снег, немые реки,

Дым костров, штыки, луна.

Чернели тени на огне

□□Ночных костров.

Звучали в мёртвой тишине

□□Шаги врагов.

Там, где били и рубили,

У застав и у палат,

Что-то чутко сторожили
Цепи хмурые солдат.
Всю ночь мерещилась нам дочь,
□□Ещё жива,
И нам нащёптывала ночь
□□Её слова.
По участкам, по больницам
(Где пускали, где и нет)
Мы склоняли к многим лицам
Тусклых свеч неровный свет.
Бросали груды страшных тел
□□В подвал сырой.
Туда пустить нас не хотел
□□Городовой.
Скорби пламенной язык ли,
Деньги ль дверь открыли нам, –
Рано утром мы проникли
В тьму, к поверженным телам.
Ступени скользкие вели
□□В сырую мглу, –
Под грудой тел мы дочь нашли
□□Там, на полу.
«Четыре офицера...»
Четыре офицера
В редакцию пришли,
Четыре револьвера
С собою принесли.
Они сказали грозно,
Схватившись за мечи:
«Пока ещё не поздно,
Покайся, „Русь“, молчи.
Писаньями обижен
Полковник храбрых, Мин,
Который столь приближен
К вершинам из вершин.
Коснулись вы чести
Геройского полка,
Так страшной бойтесь мести,
Отложенной пока.
Наш храбрый полк, писаки,
Достоин русских войск, –
В Гороховой атаке
Был дух его геройск.
Был сразу враг сконфужен,
Чуть щёлкнули курки,
И даже стал не нужен
Лихой удар в штыки.
Итак, не сочиняйте
Про славу наших рот:
Казённый „Вестник“, знайте,
Достаточно наврёт.
А если правды слово
Прочтём о нас в „Руси“,
Поступим так сурово,
Что Боже упаси.
Возьмём крутые меры,
И сами вчетвером
Не только револьверы,
И пушку принесём».
Умолкли все четыре.
Свершивши этот акт,
И, грудь расправив шире,
Ушли, шагая в такт.
Спутник
По безмолвию ночному,
Побеждая страх и сон,
От собратьев шёл я к дому.
А за мной следил шпион;

И четою неразлучной
Жуткий город обходя,
Мы внимали песне скучной
Неумолчного дождя.
В темноте мой путь я путал
На углах, на площадях,
И лицо я шарфом кутал,
И таился в воротах.
Спутник чутко-терпеливый,
Чуждый, близкий, странно-злой,
Шёл за мною под дождливой
Колыхающейся мглой.
Утомясь теряться в звуке
Повторяемых шагов,
Наконец тюремной скуке
Я предаться был готов.
За углом я стал. Я слышал
Каждый шорох, каждый шаг.
Затаился. Выждал. Вышел.
Задрожал от страха враг.
«Барин, ты меня не трогай, –
Он сказал, дрожа как лист, –
Я иду своей дорогой.
Я и сам социалист».
Сердце тяжело, больно билось,
А в руке дрожал кинжал.
Что случилось, как свершилось,
Я не помню. Враг лежал.
Весёлая народная песня
(На четыре голоса)
Что вы, старцы, захудали,
Таковы невеселы,
Головы повесили?
«Отошшали!»
Что вы, старые старухи,
Таковы невеселы,
Головы повесили?
«С голодухи!»
Что вы, парни, тихи стали,
Не играете, не скачете,
Всё ревете, плачете?
«Тяжку угнали!»
Что вы, детки, приуныли,
Не играете, не скачете,
Всё ревете, плачете?
«Мамку убили!»
За чай, за мыло
(Солдатская песня 1905 года)
Братцы солдатушки,
Бравы ребятушки,
Шибко поспешайте,
Бунты утишайте.
«То-то вот, что тощи,
Черви лезут во щи.
Наши командиры
Отрастили брюхи».
Братцы солдатушки,
Бравы ребятушки,
Злым не верьте людям,
Мы вас не забудем.
«Речи эти стары,
Тары-растабары, –
Наши командиры
Знают всю словесность».
Братцы солдатушки,
Бравы ребятушки,
По сему случаю
Не хотите ль чаю?

«Чаю мы желаем,
Только вместе с чаем,
Добрый обычаем,
Дайте командиров
Нам не мордобойцев».
Братцы солдатушки,
Бравы ребяташки,
Что вас сомутило?
Не хотите ль мыла?
«Прежде дули в рыло,
Нынче дали мыла, –
Ишь, залебезило
Грозное начальство
Перед нашим братом».
«Друг другу руки подадим...»
Друг другу руки подадим,
И, как свечей венчальных дым,
Надежды мы соединим,
Свершим завещанное нам,
И подвиг, сладостный сердцам.
Передадим
Векам.
Воздвигнем новый храм,
И прочно стены утвердим.
Дракону злому время пасть, –
Мы учредим
Иную власть.
Мы создадим
Блаженный строй,
И над землёй
Прострём довольство и покой.
Зрела сила,
И созрела,
И пора к свершенью дела
Наступила.
Тяжкий молот
Занесён над ветхим домом.
Будет свод его расколот,
Разрушенье будет громом.
«Я спешил к моей невесте...»
Я спешил к моей невесте
В беспощадный день погрома.
Всю семью застал я вместе
□□□Дома.
Все лежали в общей груди...
Крови тёмные потоки...
Гвозди вбиты были в груди,
□□□В щёки.
Что любовью пламенело,
Грубо смято тёмной силой...
Пронизали гвозди тело
□□□Милой.
«Догорало восстанье...»
□□Догорало восстанье, –
Мы врагов одолеть не могли, –
□□И меня на страданье,
На мучительный стыд повели.
□□Осудили, убили
Победители пленных бойцов,
□□А меня обнажили
Беспощадные руки врагов.
□□Я лежала нагая,
И нагайками били меня,
□□За восстанье отмщая,
За свободные речи казня.
□□Издевался, ругался
Кровожадный насильник и злой,
□□И смеясь забавлялся

Беззащитной моей наготой.
□□Но безмерность мученья
И позора мучительный гнёт
□□Неизбежности мщенья
Не убьёт и в крови не зальёт.
□□Дни безумия злого
Сосчитал уж стремительный рок,
□□И восстанья иного
Пламенеющий день не далёк.
Жалость
Пришла заплаканная жалость
И у порога стонет вновь:
«Невинных тел святая алость!
Детей играющая кровь!
За гулким взрывом лютой злости
Рыданья детские и стон.
Страшны изломанные кости
И шёпот детский: „Это – сон?“»
Нет, надо мной не властно жало
Твоё, о жалость! Помню ночь,
Когда в застенке умирала
Моя замученная дочь.
Нагаек свист, и визг мучений,
Нагая дочь, и злой палач, –
Всё помню. Жалость, в дни отмщений
У моего окна не плачь!
Халдейская песня
Царь Халдейский (соло)

У меня ли не житьё!
Всё казённое – моё.
Государство – это я,
И над всеми власть моя.
Халдейские люди

А у нас–то, вот житьё!
Что встаём, то за вытьё.
Мы несём во все места,
А мощна у нас пуста.
Халдейский царь

Не пойди ль мне на войну
В чужедальную страну,
Злата, серебра добыть,
Чтоб ещё богаче быть?
Халдейские люди

Собирают нашу рать.
Знать, нам время умирать.
Нас погонят на войну
За халдейскую казну.
Халдейский царь

Что там? Вздумали роптать?
Стройся, верная мне рать!
Поострей точи мечи!
Бей! коли! руби! топчи!
Парижские песни

1
Раб французский иль германский
Всё несёт такой же гнёт,
Как в былые дни спартанский,
Плетью движимый, илот.
И опять его подруга,
Как раба иных времён,
Бьётся в петлях, сжатых туго,
Для утех рантьерских жён.
Чтоб в театр национальный

Приезжали, в Орёга,
Воры бандою нахальной,
Коротая вечера, –
Чтоб огни иллюминаций
Звали в каждый ресторан
Сволочь пьяную всех наций
И грабителей всех стран, –
Ты во дни святых восстаний
Торжество победы знал
И, у стен надменных зданий,
Умирая, ликовал.
Годы шли, – теперь взгляни же
И пойми хотя на миг,
Кто в Берлине и в Париже
Торжество своё воздвиг.

2

□□Здесь и там вскипают речи,
□□Смех вскипает здесь и там.
□□Матовы нагие плечи
□□Упоённых жизнью дам.
Сколько света, блеска, аромата!
Но кому же этот фимиам?
Это – храм похмелья и разврата,
Храм бесстыдных и продажных дам.
□□Вот летит за парой пара,
□□В жестах отменяя стыд,
□□И румынская гитара
□□Утомительно бренчит.
Скалят зубы пакостные франты,
Тешит их поганая мечта, –
Но придут иные музыканты,
И пойдёт уж музыка не та,
□□И возникнет в дни отмищенья,
□□В окровавленные дни,
□□Злая радость разрушенья,
□□Облечённая в огни.
Все свои тогда свершит угрозы
Тот, который ныне мал и слаб,
И кровавые рассыплет розы
Здесь, на эти камни, буйный раб.
Россия
Ещё играешь ты, ещё невеста ты.
Ты, вся в предчувствии высокого удела,
Идёшь стремительно от роковой черты,
И жажда подвига в душе твоей зардела.
Когда поля твои весна травой одела,
Ты в даль туманную стремишь свои мечты,
Спешешь, волнуешься, и мнёшь, и мнёшь цветы,
Таинственной рукой из горнего предела
Рассыпанные здесь, как дар благой тебе.
Вчера покорная медлительной судьбе,
Возмущена ты вдруг, как мощная стихия,
И чувствуешь, что вот пришла твоя пора.
И ты уже не та, какой была вчера,
Моя внезапная, нежданная Россия.
«Есть вдохновенье и любовь...»
Есть вдохновенье и любовь
И в этой долго длимой муке.
Люби трудящиеся руки
И проливаемую кровь.
Из пламени живого слитый,
Мы храм торжественный творим,
И расточается, как дым,
Чертог коснеющего быта.
В этот час
В этот час, когда грохочет в тёмном небе грозный гром,
В этот час, когда в основах сотрясается наш дом,
В этот час, когда в тревоге вся надежда, вся любовь,

И когда сильнейший духом беспокойно хмурит бровь,
В этот час стремите выше, выше гордые сердца, –
Наслаждается победой только верный до конца,
Только тот, кто слепо верит, хоть судьбе наперекор,
Только тот, кто в мать не бросит камнем тягостный укор.

«Не презирай хозяйственных забот...»

Не презирай хозяйственных забот,
Люби труды серпа в просторе нивы,
И пыль под колесом, и скрип ворот,
И благостные кооперативы.

Не говори: «Копейки и рубли!

Завязнуть в них душой – такая скука!»

Во мгле морей прекрасны корабли,
Но создаёт их строгая наука.
Молитвы и мечты живой сосуд,
Господень храм, чертог высокий Отчий,
Его внимательно расчислил зодчий.
Его сложил объединённый труд.

А что за песни спят еще в народе!

Какие силы нищета гнетёт!

Не презирай хозяйственных забот, –

Они ведут к восторгу и к свободе.

«Какая покорность в их плаче...»

Какая покорность в их плаче,

□□Какая тоска!

□□И как же иначе?

Бежит невозвратно река.

Уносятся грузные барки

□□С понурой толпой,

□□И слушают Парки

Давно им наскучивший вой.

□□К равнине уныло

Осенние никнут дожди.

□□Уж раз проводила,

Так сына обратно не жди.

Уж слёзы разлучные льются,

□□Кропя его путь.

□□Ему не вернуться

Припасть на вскормившую грудь.

□□Там где-то, в чужбине,

Далёко от знаемых мест,

□□В чужой домовине

Он ляжет под дружеский крест.

«Тяжёлый и разящий молот...»

Тяжёлый и разящий молот

На ветхий опустился дом.

Надменный свод его расколот,

И разрушенье, словно гром.

Все норы самовластных тайн

Раскрыл ликующий поток,

И если есть меж нами Каин,

Бессилен он и одинок.

И если есть средь нас Иуда,

Бродящий в шорохе осин,

То и над ним всевластно чудо,

И он мучительно один.

Восторгом светлым расторгая

Змеиный ненавистный плен,

Соединенья весть благая

Создаст ограды новых стен.

В соединении – строенье,

Великий подвиг бытия.

К работе бодрой станьте, звенья

Союзов дружеских куя.

Назад зовущим дети Лота

Напомнят горькой соли столп.

Нас ждёт великая работа

И праздник озарённых толп.

И наше новое витийство,
Свободы гордость и оплот,
Не на коварное убийство,
На подвиг творческий зовёт.
Свободе ль трепетать измены?
Дракону злому время пасть.
Растают брызги мутной пены,
И только правде будет власть!
«Народ торжественно хоронит...»
Народ торжественно хоронит
Ему отдавших жизнь и кровь,
□□И снова сердце стонет,
□□И слёзы льются вновь.
Но эти слёзы сердцу милы,
Как мёд гиметских чистых сот.
□□Над тишиной могилы
□□Свобода расцветёт.
«Самый ясный праздник года...»
Самый ясный праздник года –
День, когда несёт в народ свобода
Первомайский милый цвет.
Развевающимся ало
Знаменам Интернационала
Утро года шлёт привет.
Высоко поднявши знамя,
Проходите дружными рядами
С грозным вызовом судьбе.
Разделение – лукаво.
Лишь в одном своё найдёшь ты право, –
В единении и борьбе.
«Разрушать гнезда не надо...»
Разрушать гнезда не надо.
Разгонять не надо стадо.
Бить, рубить, топтать и жечь, –
Это – злое вражье дело.
В ком заря любви зардела,
Тот стремится уберечь
Всё, что светлой жизни радо,
Всё, что слышит Божью речь.
Что живёт по слову Божью,
Не пятнай людскою ложью,
Дни свои трудам отдай.
Вопреки земным досадам
Сотвори цветущим садом
Голый остров Голодай.
Над смиренной русской рожью
Храм вселенский созидай.
Разрушения не надо.
Все мы, люди, Божье стадо,
Каждый сам себе хорош.
Кто нам, дерзкий, руки свяжет?
Кто уверенно нам скажет,
Что в нас правда, что в нас ложь?
В кущах созданного сада
Правду сам себе найдёшь.
«В лунном озарении...»
В лунном озарении,
В росном серебре
Три гадают отрока
На крутой горе.
Красный камень на руку
Положил один, –
Кровь переливается
В глубине долин.
Красный камень на руку
Положил второй, –
Пламя полыхается
В стороне родной.

Красный камень на руку
Третий положил, –
Солнце всходит ясное,
Вестник юных сил.
Странник, пробиравшийся
Ночью на восток,
Вопрошает отроков:
«Кто устави́т срок?»
Отвечают отроки:
«Божий человек,
Мечут жребий ангелы,
День, и год, и век.
В землю кровь впитается,
Догорит огонь,
Колесницу вывезет
В небо светлый конь».
«Плачет безутешная вдова...»
Плачет безутешная вдова,
Бледный лик вуалью чёрной кроя.
Что мои утешные слова
Для подруги павшего героя!
Для неё и той отрады нет,
Чтоб склониться тихо над могилой.
Не обряжен к смерти, не отпет,
Где-то брошен в яму, тлеет милый.
Истошатся злые времена,
Над землёй заря иная встанет,
А теперь смятенная страна
За неё погибших не вспомнёт.
Как же могут бедные слова
Боль стереть о гибели героя!
Плачет безутешная вдова,
Бледный лик вуалью чёрной кроя.
Баллада о высоком доме
Дух строителя немеет,
Обессиленный в подвале.
Выше ветер чище веет,
Выше лучше видны дали,
Выше, ближе к небесам.
Воплощенье верной чести,
Возводи строенье выше
На высоком, гордом месте,
От фундамента до крыши
Всё открытое ветрам.
Пыль подвалов любят мыши,
Вышина нужна орлам.
Лист, ногою смятый, тлеет
На песке, томясь в печали.
Крот на свет взглянуть не смеет,
Звёзды не ему мерцали.
Ты всходи по ступеням,
Слушай радостные вести.
Притаившись в каждой нише,
И к ликующей невесте
Приникай всё ближе, тише,
Равнодушный к голосам
Петуха, коня и мыши.
Высота нужна орлам.
Сердце к солнцу тяготееет,
Шумы жизни замолчали
Там, где небо пламенеет,
Туч расторгнувши вуали.
Посмотри в долину, – там
Флюгер маленький из жести,
К стенкам клеятся афиши,
Злость припуталась к лести,
Люди серые, как мыши,
Что-то тащат по дворам.

ание стихотворений. Том 6. Одна любовь. Небо голубое. Соборный благовест. Фёдор Сологуб so1ogubfyodor.ru
Восходи же выше, выше,
Высота нужна орлам.
Послание:

Поднимай, строитель, крыши
Выше, выше к облакам.
Пусть снуют во мраке мыши,
Высота нужна орлам.
Комментарии
Печатается по:

Сологуб Федор. Одна любовь. Стихи. Пг.: Муосotis, 1921.

Сологуб Федор. Небо голубое. Стихи. Ревель: Библиофил, 1921.

Сологуб Федор. Чародейная чаша. Стихи. СПб.: Эпоха, 1922.

Сологуб Федор. Свирель. Русские бержереты. СПб.: Petropolis, 1922.

Сологуб Федор. Костёр дорожный. М.; Пг.: Творчество, 1922.

Сологуб Федор. Великий благовест. М.; Пг.: ГИЗ, 1923.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://sologubfyodor.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!